

ЕЛЕНА БУЛГАНОВА

Битва
за новый мир

ИНСОМНИЯ

ДЕВОЧКА,

КОТОРАЯ

ЛЮБИТ

Твой
выбор
решающий

Инсомния

Елена Булганова

Девочка, которая любит

«РОСМЭН»

2019

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Булганова Е.

Девочка, которая любит / Е. Булганова — «Росмэн»,
2019 — (Инсомния)

ISBN 978-5-353-09233-9

Третья, заключительная книга фэнтези-серии «Инсомния» писательницы Елены Булгановой, автора популярного цикла «Вечники». Мир стремительно меняется, обычные мальчики и девочки теперь сидят за партами рядом с юными циклопами и биордами и учатся летать на драконах. Но Алешу куда больше волнует исчезновение друзей и сестры, а Иолу – еще и судьба тех, кто покинул Черные Пещеры. Ребята вновь спускаются в Нижний мир, где сталкиваются с новыми загадками. Почему Древние как огня боятся одного вида багровой ампулы, которую нашел Алеша в комнате Таси? Какие ужасные тайны хранит подземный город Баланграль? Почему найденные сестра и друзья ведут себя так странно? А самые тяжелые испытания Алеше предстоит пройти без всяких сверхспособностей, как обычному человеку...

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09233-9

© Булганова Е., 2019

© Росмэн, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	30
Глава пятая	38
Глава шестая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Булганова

Девочка, которая любит

© Елена Булганова, 2019

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2019

* * *

Глава первая Дивный новый мир

С того дня, как Соболев впервые привез меня в атлантический лагерь, много раз я прибегал сюда с радостью и веселым предвкушением новых приключений. Иногда приносил с собой тревоги и горести, а однажды – с погибшей Хонг на моих руках – невыносимое чувство вины и невозможности что-то исправить. Но никогда прежде мне не было стыдно появляться в лагере. А вот сейчас, когда Эрик Ильич нес меня туда на руках, было почти до тошноты. Я даже представить не мог, какими глазами посмотрят на меня ребята, каково им будет делать вид, будто все осталось по-прежнему.

Путь наш лежал через Нижний мир, и, хотя я все еще был слишком слаб, чтобы тарашиться по сторонам, все же отметил, что он вовсе не так обезлюдел, как можно было ожидать теперь, когда Древние вышли на поверхность. Жизнь в подземных пещерах, называемых здесь городами и деревнями, кипела, как и прежде.

Эрик Ильич на мой невысказанный вопрос пояснил: большинство Древних адаптируются к жизни наверху постепенно, а те, у кого в семье маленькие дети или престарелые родственники, и вовсе не торопятся обзаводиться наземным домом, ведь не так уж просто менять веками сложившийся образ жизни.

Иола бежала рядом с Соболевым, ужасно нервируя меня заботливыми взглядами и ежеминутными вопросами о самочувствии. Пришлось поплотнее закрыть глаза и прикинуться спящим. И вновь я их открыл уже после выхода из лифта, когда сквозь веки пробился золотой свет нашего негаснущего неба. Вот только впервые в жизни я был ему не слишком-то рад.

– Сейчас утро, ребята, думаю, все в школе, – задумчиво произнес директор, замедляя ход в спальном коридоре. Словно бы сомневался: нести меня в мою пещеру или сразу доставить на поляну и выставить там на всеобщее обозрение.

– Все? И Марк? Вовчик?

– Ну, школа теперь совсем другая, всем интересно там побывать, – туманно ответил Соболев.

– А Борис с Миленой? Они уехали, как собирались, или...

– Отложили отъезд под предлогом, что уж слишком интересные дела тут творятся. Но и их теперь в лагере не застать.

Директор все же притормозил возле двери в мою комнату, вошел и со всеми предосторожностями сгрузил меня на постель. Покачался с пятки на носок над моим ложем, словно

заново привыкая к тому, что видели его глаза, и чересчур поспешно отвернулся, поймав мой тоскливый взгляд.

– В общем, по мере появления ребят буду им сообщать, что ты уже на месте. А то они ведь заждались, измучили меня и Софи вопросами. Но ты смотри, – обернулся он к Иоле, в замешательстве переминающейся на пороге, – следи, чтобы гости тут не кучковались и больше чем на пять минут не задерживались.

– А может, пусть вообще пока не навещают, а? – взмолился я. – Вот встану на ноги и сам к ним выйду. Ну правда, терпеть не могу этих визитов...

Эрик Ильич глянул на меня очень внимательно, со своим фирменным прищуром:

– Алексей, что за пораженческие настроения? Ребята в курсе, что с тобой произошло, стыдиться тут абсолютно нечего. И выглядишь ты, кстати, не как монстр какой-нибудь, а вполне прилично.

– Печерский был монстром, – выдавил я сквозь зубы.

И тут же Иоланта влезла со своей репликой:

– Ну, ключевое слово – был.

Я просто поражался неделикатности этих двоих, которые вели себя так, будто это в порядке вещей: оказаться в теле заклятого врага, тобой же и убитого. Но понимал, что они все равно все сделают по-своему, поэтому лишь закрыл глаза и отвернул голову к стене – ворочать все тело пока не получалось.

– Ладно, всем отдыхать, – приглушенным голосом отдал распоряжение директор. – Тебя, милая, это тоже касается (судя по звукам, Иола как раз устанавливала стул в изголовье моей кровати). Отправляйся-ка в свою комнату, этот молодой человек часок отлично обойдется и без нас.

Иола тяжело задышала в знак протеста, но авторитет Эрика Ильича был для нее неоспорим, так что скоро я наконец остался один. И тут же в голову привычно полезли ужасные мысли, так что я и не рад был своему одиночеству. Я думал о своих родителях, которые потеряли сына, ведь невозможно, немислимо объяснить им, что со мной произошло. И дочь, скорее всего, потеряли тоже: я не был уверен, что Кира еще жива. Она ведь стала Расколотой и больше не представляла интереса для приора. Они бы не стали удерживать ее в пещере. А раз до сих пор не объявилась у родителей, значит, или не пережила потери своей половинки, или же приор Гай счел ее опасной свидетельницей... Но тут меня одолел спасительный сон.

Когда же я снова открыл глаза, то с удивлением обнаружил, что на стуле рядом с моей кроватью сидит, уткнувшись в книгу, незнакомая мне девушка лет девятнадцати. Лицо у незнакомки было круглое, и глаза круглые, и рот, даже кончик носа. И прическа какая-то чудная: часть очень густых каштановых волос заплетена в косу и уложена вокруг головы, а часть крупными локонами спускается на плечи и грудь. Девушка выглядела забавной и ужасно симпатичной в одно и то же время.

– О, здравствуй! – обрадовалась, заулыбалась гостья, поймав мой взгляд. – А я вызвалась посидеть с тобой, пока все заняты.

– Здравствуйте, – произнес я не очень уверенно, задаваясь вопросом, где мог видеть ее прежде. Где-то ведь точно видел.

– Меня Зинойчкой зовут. Ой! – Она прижала пухлую маленькую ладонь ко рту и еще больше округлила глаза. – То есть Зинаидой. Но называют все Зинойчкой, и ты так зови.

– Ладно. А вы кто? – Я решил особо не церемониться, болящим ведь все прощается.

– Мы с мужем временно поселились в вашем лагере, чтобы побыть среди своих, – информировала меня Зинойчка. – Мир так удивительно изменился, столько нужно научиться, о столько расспросить...

И тут я сообразил: конечно же я видел ее – точнее, их с мужем – в саркофаге, в том здании, куда чета биордов пришла проститься со своими близкими, ушедшими в будущее. И воскликнул:

– Так вы были в анабиозе! Как давно?

– Больше двухсот лет, – охотно отозвалась девушка. – Когда Россия вступила в войну с Наполеоном, мой муж, как дворянин, должен был явиться в свой полк, к которому был приписан с рождения. Но нас, ты же понимаешь, такой поворот дела не устраивал, и мы спустились в мир Древних.

– Ясно. А почему согласились на анабиоз, вас же никто не заставлял, верно?

Зиночка помотала головой с такой силой, что локоны хлестнули ее по щекам, а одна завитушка уцепилась за противоположное ухо:

– Нет, конечно. Но, знаешь, мы с мужем не теряли надежду, что однажды мир изменится к лучшему, прекратятся войны, сойдет на нет ненависть людей к тем, кто хоть немного отличается от них. Хотели сохранить свою молодость до той поры, чтобы обзавестись потомством. И мир действительно изменился! – воскликнула она, лучась улыбкой. – Конечно, наши дети, скорее всего, родятся без пары, но им хотя бы не придется стать заложниками тайны своих родителей. Или прожить всю жизнь под землей. Конечно, Древние любят свой мирок, но я так и не смогла привыкнуть к кротовому существованию. И как же я рада, что нас разбудили и почти сразу разрешили подняться наверх!

И тут я не удержался – ответно улыбнулся Зиночке, с некоторым удивлением ощущая эту еще не испробованную на новом лице гримасу. Как же удачно получилось, что первой навестить меня пришла эта милая атлантка, которая знать меня прежнего не знала и не имела повода сейчас таращить глаза, ужасаться или удивляться. Попытался расспросить ее о том, что сейчас делается в городе, но Зиночка поспешно прижала палец к губам:

– А теперь помолчи, пожалуйста, ты же на постельном режиме!

– Да ерунда!

– Вовсе нет. Поверь, если щадить и беречь себя даже по пустякам, то организм быстро наберется сил и болезнь скорее отступит. Я знаю, о чем говорю, я была помощницей лекаря, пока мой супруг не отыскал меня, – с горделивым видом сообщила девушка.

Я послушался и затих, а Зиночка напоила меня водой из кружки-непроливайки, проверила повязки и зачем-то поставила градусник (по-моему, ей просто было интересно, как он работает). Потом снова уселась на стул и негромким мелодичным голосом начала рассказывать древнюю историю о том, как нашли друг друга простая девушка из деревни и потомственный дворянин, а я медленно проваливался в сон.

Когда же в очередной раз открыл глаза, Зиночку на стуле уже сменила Бридж. Поймав мой взгляд, она воскликнула почему-то шепотом:

– Алеша, как я рада, что ты снова с нами!

– Ага, – сказал я. – А почему шепотом?

Бриджит тихонечко рассмеялась:

– Ой, машинально! Просто ночь ведь!

Я ушам не поверил:

– Как ночь? А день куда подевался?

– Ну, ты его проспал. И очень хорошо, это тебе на пользу. Мистер Соболев лично следил, чтобы тебя не тревожили, и всех гнал прочь из твоей пещеры.

Я поежился от неловкости:

– И что, здесь многие побывали, пока я спал?

– Так почти все наши. Каждый хотел лично убедиться, что ты вернулся и в порядке.

Я подумал, что так даже лучше, в конце концов, ну, полюбовались на меня сонного, и хватит, цирк уехал, аттракцион закрыт. И спросил о более важном:

– Бридж, про Димку что-то слышно? Он не объявлялся?

Девочка моментально сникла:

– Нет, он тоже исчез из города, предположительно в ту ночь, когда все случилось. Мы искали его, даже обнаружили квартиру, где он обитал в последнее время, но только давно пустую.

– Слушай, а как это получается, что оружие Древних действует только на людей, но не на самих Древних и не на нас? Ведь члены Ордена пажа – обычные люди. Они должны были по идее сразу забыть свои злодейские планы, стать хорошими и пушистыми, разве нет?

Бридж на минуту задумалась, непроизвольно перебирая тонкими пальцами бахрому моего пледа, потом кивнула:

– Да, это так. Но Великий Жрец говорил, что одновременно со своим оружием Древние изобрели сыворотку, которая нейтрализует его действие на любой нужный срок – в зависимости от дозы. Сыворотку эту уже испытывали на обитателях Светлой поляны и убедились в ее эффективности. Захватчики дворца само собой тоже были в курсе, значит, и тренер... то есть приор Гай. Можно предположить, что приор, который никому не доверял, заранее постоянно принимал эту сыворотку, а приближенных и сыновей мог уже по факту напоить ею.

– Ясно. Наверняка так все и было.

– Ну, мне нужно ложиться спать, а то Саша разозлится, – спохватилась девочка и вскочила на ноги. – Позвать Иолу, чтобы посидела с тобой?

– А где она?

Бридж с лукавой улыбкой мотнула головой, и, судя по указанному направлению, Иоланта сейчас подпирала стену спального туннеля рядом с моей пещерой. Мне почему-то стало и жалко ее, и как-то грустно, и я боялся совершенно раскиснуть, оставшись с Иолой наедине. Потому сказал, пытаясь изобразить голосом сердечную заботу:

– Не нужно, пусть отдохнет, ей и так досталось в последние недели. Я уже совсем нормально себя чувствую.

Говоря это, я в общем-то не врал: сам ощущал, как прежде слабое непослушное тело, больше похожее на один сплошной неудачный протез для моей души, сейчас словно налилось силой, слало сигналы, что готово подчиняться новому хозяину, только бы жить, двигаться, существовать. Видно, Зиночка в таких делах разбиралась.

Бридж вышла, и я слышал, как она смущенным голосом передает Иоле мои слова, которые та наверняка и сама отлично слышала, – могла бы сразу удалиться, кстати. Наверное, сейчас ворвется в комнату и наорет на меня... Но нет: шорох двух пар ног по земельному полу – и полная тишина, какая бывает только глубоко под землей.

Я полежал еще немного, собираясь с мужеством, а потом разом спустил ноги с кровати. Посидел так немного с упором на руки – вроде ничего. Аккуратно поднялся. Сделал первый шаг и при этом ощутил настоящий восторг, словно первым из людей на поверхность Луны ступил.

Но эйфория быстро прошла, и к двери я шел уже сердитый, раздражаясь на онемевшие пальцы и ступни, которые будто назло мне упорно цеплялись друг за дружку и за пол. Зажег свет и пустился в обратный путь, уже мечтая об отдыхе. Проходя мимо платяного шкафа, вспомнил, что на внутренней стороне его двери закреплено большое зеркало, которым я раньше крайне редко, но пользовался. Теперь же мне предстояло настоящее испытание, и я готовился к нему минуты две. На выдохе распахнул створку и глянул в чужие глаза своего отражения. В первый момент хотелось закричать или лягнуть ногой зеркало, но понемногу я взял себя в руки. Смотрел в него и думал: смогу ли однажды увидеть там себя?

В конце концов, случившегося не изменить, могло быть и хуже. Тут я озадачился: а как именно хуже? Свою смерть почему-то к этому «хуже» не относил, ведь тогда бы я сейчас и не переживал ни о чем. Но вот если бы Иола в панике надела браслет на свою руку и прошла Пещеру... Эта отчаянная девчонка и не на такое способна! Вот где был бы самый настоящий ужас! Я резко взмок, но от мысли, что самого страшного не произошло, мгновенно полегчало.

Очень захотелось принять душ, но я пока не готов был увидеть себя без одежды. Потому снова залез в постель и почти сразу заснул.

На следующее утро я решил быть сильным и мужественным и самолично вышел к завтраку в тот самый момент, когда, судя по шуму, за столом на поляне собралось наибольшее количество народа. Фурор, конечно, был невероятный. Иола от волнения то начинала хихикать без всякого повода, то утыкалась взглядом в тарелку и морщила губы, словно боролась с подступающими слезами.

Марк изводил меня хитроумными вопросами, явно рассчитанными на то, чтобы, как он подозревал, ловко надувший всех Печерский был немедленно изобличен. Вовчик тарасился испуганными глазенками и доставал вопросами типа «а где Леша?» сидящую рядом Милену. Только Зиночка и ее муж Анатолий, который показался мне малость надутым, но приятным парнем, уж точно не видели в происходящем проблемы. Директор и мадам Софи за трапезой отсутствовали, из разговоров я понял, что в лагере они теперь вообще появляются редко, разве что ночуют.

Прошел еще день. Я затосковал и запросился на волю. Специально встал пораньше и появился в кабинете Соболя, когда тот перед уходом спешно проглядывал какие-то записи. Директор, окинув меня внимательным взглядом – накануне Зиночка наконец сняла повязку с моей головы, – долго держал паузу, а потом все же разрешил вылазку в город, но только в сопровождении мадам Софи и кого-то из ребят. Само собой подразумевалось, что это будет Иола.

Выдвинулись мы после завтрака, пропустив сперва вперед всех наших: все они ужасно спешили, у каждого имелось какое-то интересное дело в городе. Взлететь вверх по лестнице мне, понятно, никто не позволил, пришлось проглотить и это унижение – позволить нашей мадам вроде как поддерживать за пояс, а фактически нести меня под мышкой. В наземном бараке я машинально огляделся в поисках своей куртки, вспомнил, что она осталась в подвале дома перед нашим спуском в Нижний мир. Иола, как раз вылетевшая пробкой из люка, громко прыснула:

– Эй, ты в окно хоть погляди!

Я глянул – и глазам не поверил. Поляна вокруг здания вовсю зеленела, в траве переливались первоцветы. Даже сквозь стекло я ощутил тепло солнечных лучей на бирюзовом безмятежном небе. Лихорадочно перебирая в уме даты и подсчитывая дни, я пробормотал:

– Но как... разве сейчас не конец февраля?

– Февраль, – согласилась со мной мадам Софи. – Но Древние не могли быстро адаптироваться к холоду и распутице, ваша русская зима им явно не пришлась по душе. Поэтому с помощью плазменного купола защитили территорию от осадков и холода. Но обещают нам следующей зимой один в меру морозный и снежный месяц.

Я кивнул и вышел на порог: от весеннего сладковатого запаха голова приятно поплыла. Постоял, адаптируясь, мои спутницы терпеливо ждали. А потом мы втроем обычным человеческим шагом – и даже через ворота прошли, а не забор перелетели – побрели в сторону города. Я мысленно настраивал себя на нечто необыкновенное. Но то, что меня ждало, оказалось в разы невероятней.

От лесной развилки мы вышли к границе лесопарка, и теперь от города нас должна была отделять только проезжая часть. Вот тут впервые я ощутил себя дезориентированным, поскольку никакой трассы больше не было, и машины не пролетали по ней в объезд города, как обычно. Как не было и перпендикулярной к трассе широкой улицы, пересекавшей город с севера на юг. Вместо них – только заросшие изумрудной травой колеи, в которых серебрились новенькие рельсы. С обеих сторон петляли выложенные разноцветными камнями тропки.

– А что, на машинах теперь никто не ездит? – К такому я точно не был готов.

– Не-а, – довольным тоном отозвалась Иоланта. – Древние нашли такой способ передвижения опасным и вредным. Вот наши велики им понравились, теперь налаживают производство с учетом нестандартных размеров представителей древних рас.

Я поскорее перевел взгляд на перспективу города, но и его было не узнать. Уродливые блочные дома еще стояли, но теперь фасады их густо оплел какой-то особенно быстрорастущий вид вьюнка с глянцевыми цветками-колокольчиками. А на замусоренном пустыре, который я пробегал тысячу раз, стараясь не вляпаться в какую-нибудь гадость, теперь всю велось строительство и уже выступали каменные фундаменты разномастных, привычных мне по Нижнему миру домиков. Трудились там в основном люди в синих спецовках плюс с десяток циклопов, да еще на моих глазах два биорда синхронно спикировали на площадку: к их поясам были пристегнуты объемные сетчатые мешки со стройматериалами. Никакой рабочей техники поблизости не наблюдалось.

– Их заставляют это делать? – спросил я, кивнув в сторону суесящихся людей.

Мадам Софи отрицательно качнула головой:

– Нет, все работы добровольны. Как ни грустно это признавать, но сейчас эти люди гораздо счастливее, чем были месяц назад. Их потребности резко сократились, забыты соблазны, в семьях царят мир и процветание. Труд теперь приносит им удовольствие.

– А почему так мало народа на улицах?

– Потому что сейчас рабочее время. Кто не на работе, те в специальных центрах учат языки Древних, осваивают новые профессии или хобби. Ну, куда хочешь пойти первым делом?

Я пожал плечами. Всего лишь в двадцати шагах отсюда начиналась прямая дорога к родительскому дому, хоть она теперь и выглядела иначе. Вот только в родном доме я отныне чужой, и даже смотреть в ту сторону мне не стоит. Наша чуткая мадам конечно же легко прочитала мои мысли. И сказала:

– Не унывай, Алеша. Пару дней назад мы с Эриком навещали твоих папу и маму.

– Как они?! – ахнул я.

– Они в полном порядке. Переживают, конечно, из-за тебя и твоей сестры. Мы им сказали, что ты с группой ребят сейчас путешествуешь по Европе, поскольку это тоже входит в программу реабилитации в нашем лагере.

– И что, они поверили?

– Мать – да, безоговорочно. Вот с отцом немного сложнее. Он ведь тоже атлант и устойчив к излучению.

При этих словах мне здорово полегчало. Вид работяг совсем не был противен, но вот подумать, что мои родные люди тоже сейчас вкалывают где-то в полной уверенности, что в этом и есть смысл их жизни...

– А мама... Она хоть помнит... о нас с Кирой? Ну и что было прежде? Ведь те, которые на Светлой поляне, вообще ничего толком о себе не помнили.

– Не сравнивай, Алеша. Те были преступниками, и к ним применяли очень жесткое излучение. Здесь все иначе. Память у людей полностью сохраняется, просто сами они меняются. Те, кто жили скверно, неправильно, делали много плохого окружающим – они теперь искренне сожалеют об этом, храмы забиты кающимися. Но, возвращаясь к теме твоих родителей: думаю, ты сможешь их посетить, они ведь прежде никогда не видели...

Я с силой затряс головой.

– Ну вот, найдешь предлог и побываешь дома. А со временем можно будет все им рассказать.

– Что?! – заорал я и подпрыгнул на месте. – Нет! Такое представить невозможно! Они никогда не поверят да вообще с ума сойдут!

Горячая рука мадам Софи твердо легла мне на плечо:

– Алеша, посмотри внимательно вокруг. Твои родители теперь каждый день видят столько чудесного, отчего же вдруг тебе – и не поверят? Да, будут поражены, возможно, испуганы, но ведь внутренне ты остался прежним, и тебе легко будет это доказать.

– Да, и вообще, а если бы ты попал в катастрофу? – Это Иоле надоело молча нюхать цветочки на затесавшейся на лесную опушку дикой яблоне. – Они бы тебя все равно же любили, останься ты хоть вообще без лица. А так – подумаешь!

Наша Иоланта, разумеется, была в своем репертуаре. Я закатил глаза, мадам Софи поскоре отвернувшись, скрывая улыбку. Мимо нас медленно прошествовал, сложившись чуть ли не пополам, циклоп, помогающий ветхой земной старушке совершать прогулку по лесу. Мы двинулись дальше, обогнули стройку и немного побродили по дворам.

– Может, в школу сгоняем? Там теперь интересно, – предложила Иола, но мадам Софи решила, что с меня хватит на сегодня и пора возвращаться в лагерь. В этот момент нас окликнули.

Я сразу узнал голос Соболя и завертел головой, отыскивая Эрика Ильича. Прямо посреди просторного двора в окружении целых шести унылых блочных домов теперь возвышалась укрытая побегами выюнка деревянная беседка с остроконечной крышей, а на ее ступеньках стоял наш директор и призывно помахивал рукой.

Мы подошли, и первым делом Эрик Ильич окинул меня изучающим взглядом:

– Ну, как прогулка? Голова не болит?

– Я даже забыл о ней, – ответил я совершенно правдиво. – Столько всего интересного вокруг!

– А, ну да, разумеется. – Показалось мне или Соболю был чем-то недоволен? – Иди-ка внутрь, Тир-Убрель как раз расспрашивал о тебе.

– Может, лучше в другой раз? – У меня были очень веские причины не попадаться на глаза Великому Жрецу.

Но директор уже исчез внутри, за цветущим пологом, так что пришлось тащиться следом.

Внутри беседки оказалось нечто вроде штаба: квадратный стол, заваленный бумагами, и множество посадочных мест вокруг него. Пришпиленная к деревянным основаниям беседки, висела на стене большая карта, где наш Северо-Запад и еще несколько областей были обведены жирной зеленой чертой. Напротив – карта мира. Худенькая девушка-лотт возилась с документами, раскладывала их по кучкам и время от времени бросала короткие заботливые взгляды на Жреца. У меня почему-то мелькнула мысль, что она в него влюблена.

Великий Жрец изучал какие-то бумаги, выхватывая их из одной стопки и через пару секунд переправляя в другую, но немедленно поднялся из-за стола нам навстречу, посмотрел на меня – и его глаза остекленели. Меня бросило в нестерпимый жар, однако Тир-Убрель уже овладел собой, шагнул вперед и по земному обычаю протянул мне руку:

– Приветствую, Алексей! Хотел навестить еще в Пещерах, но твои друзья тебя бдительно оберегали, – и улыбнулся малость смутившейся Иоле.

– Вы этого человека видели во дворце, да? – пяясь и не подавая руки, спросил я.

Жрец дернул головой:

– Я видел человека с этим лицом, но это не имеет ровно никакого значения. Мы оба с тобой оказались не в тех телах, что даны нам от рождения, товарищи по несчастью, так у вас на земле говорят? Примем это испытание достойно.

Я чуточку успокоился, перестал пятиться и все же обменялся с Тир-Убрелем крепким рукопожатием. Если вдуматься, положение Жреца было куда более аховое: ему предстояло вернуть чужое тело и остаться ни с чем. А в целом выглядеть он стал куда лучше с нашей последней встречи: исчезли ужасные ожоги со щек, само лицо чуточку округлилось. Я словно видел перед собой Данко, каким он впервые появился в нашем лагере, и ужасно скучал по нему.

– Что ж, когда Алексей окончательно окрепнет, приходите сюда, и я подыщу вам работу по душе. – Жрец приобнял за плечи меня и Иолу. – Ведь это ваш город и мир, кто лучше вас позаботится о нем!

– Какую работу? – тут же спросила девочка.

– Ну, первоочередная задача – это устранить все, что вредно для здоровья живущих, все эти ваши, уж простите, ужасные фабрики, производства... Мотивировать людей на получение новых и нужных в этом мире профессий. Кроме того, нам удалось связаться с еще одной уцелевшей общиной Древних – в Шотландии, просто чудо, что Орден не успел до них добраться. Завтра ваши старшие ребята вылетают туда, чтобы выработать совместный план действий: либо тамошние обитатели перебираются к нам, либо мы делимся с ними чертежами нашего излучателя... Но зависит от того, насколько у них там развиты собственные технологии. А самое важное сейчас – это защита наших границ.

– Разве они не защищены излучателями? – удивился я.

– Само собой. Но только от людей. А между тем где-то на островах проживают сотни Древних, выращенных в ненависти к нам, да и ко всему живому. Так что, вполне возможно, уже сейчас у нас появились лазутчики...

Я поежился. А как хорошо все начиналось!

– В общем, Алеша, когда будешь абсолютно здоров, жду тебя в нашем штабе. – Он обвел изящной рукой беседку. – И твою половинку тоже. А пока гуляйте, наслаждайтесь этим чудесным миром!

На этом мы распрощались. Мне ужасно хотелось еще немного побродить по улицам, но Иоланта непреклонно потребовала возвращения в лагерь.

Глава вторая

Родные стены

Ночью мне приснилась Тася. Она стояла внутри какого-то странного сооружения, сложенного из круглых камней, вроде как склепа с узким и низким входом, так что фигура ее тонула в тени, видно было только лицо, а на нем – печальная улыбка.

– Тася, ты здесь? – спросил я, пораженный тем, что она так близко, а я и не знал.

– Я здесь, – прозвучал тихий ответ. – И он тоже здесь.

– Он – это кто? Ванька? Приор Гай?

– Тебе нужно быть очень осторожным. – Голос начал стихать, удаляться, тень делалась все гуще и гуще.

– Тася, я обязательно найду тебя! Знаешь, теперь я выгляжу иначе...

Во сне я очень обрадовался возможности все напрямую ей объяснить, разволновался – и проснулся.

Конечно, о сне больше не было и речи. Я сел на кровати и стал размышлять: а если все так и есть, как мне приснилось? Приор Гай со своими приспешниками вовсе не покинули город, а затаились, возможно, все там же, в пещере. И Тася с Иваном у них. И Дима тоже там, и Кира. Пещеру Печерского наверняка обследовали, но ведь я сам видел, сколько там потайных коридоров. Вот если бы спуститься и хорошенько порыскать... а вообще, в курсе ли приор, что случилось с его любимым воспитанником? То есть он знает конечно же, что Кира стала Расколотой, но ведь это по разным причинам могло произойти...

Эта мысль так меня поразила, что я кубарем скатился с постели, натянул одежду прямо в темноте и рванул в соседний коридор, где обитали Соболи. Время на часах специально не стал смотреть, чтобы решимость не пропала.

Здесь все было еще темным, сонным, только основной коридор слабо подсвечен. Конечно, у меня хватило ума не врываться с разбегу в супружескую спальню, но, после того как я раз пять прошелся туда и сюда по коридору (стараясь не шуметь, само собой), наш директор в одной майке и трениках открыл дверь самолично. Выглядел он сонным и встревоженным, даже длинные желтые волосы не успел собрать в хвост.

– Алеша, что случилось? Старые раны беспокоят?

– Нет, я в порядке, – отчитался я. – Просто хочу кое-что обсудить с вами, Эрик Ильич.

– И до утра это никак...

Я выразительно вздохнул.

– Ладно, пошли в мой кабинет.

Едва зашли в прохладную темную пещерку, как я приступил к делу:

– Эрик Ильич, вот я тут подумал: приор и его люди ведь понятия не имеют, что случилось с Игорем? Они могут считать, что он прикончил кого-то, сам был ранен, где-то отлеживался, так ведь?

– Нет, – ответил Соболев таким тоном, что стало понятно: это не ответ на мой вопрос.

– Но вы даже не дослушали! – возмутился я. – А я почти уверен, что они и сейчас в пещере, вынашивают коварные планы. Я бы мог спуститься туда и немного побродить, пока не привлеку их внимание. Ну, будто ничего не помню и не понимаю, где я. Ведь если Игорь вернулся через Пещеру Ложных Воспоминаний...

– Алексей, я давно уловил твою мысль, – чуточку раздраженно прервал меня директор. – Но все это не имеет ни малейшего смысла, уж ты мне поверь. Ну, допустим, примут они тебя за Игоря. Однако Печерский перестал быть атлантом, потерял свою личность в Пещере, и чем тогда он может быть интересен приору? А вот что вернулся – подозрительно. Они просто постараются поскорее избавиться от тебя, и все дела.

– Но ведь приор хорошо относился к Игорю, гораздо лучше, чем к своим сыновьям! – не желал сдаваться я. – Один раз Игорь уже терял пару, но приор Гай тогда помог ему, нашел другую половинку. А что личность потерял, ну, можно же напомнить, какой он был, переманить на свою сторону! Зачем разбрасываться сторонниками? И еще у Игоря талант хирурга, у него руки замечательные!

В отчаянии я сунул под нос Соболеву ладони с удивительно тонкими и длинными, почти как у флэммов, пальцами. Но директор остался холоден и неприступен.

– Нет, Алексей, выбрось это из головы. Ни к чему хорошему твоя задумка не приведет. В лучшем случае просто проблуждаешь напрасно по пещере: если там кто-то и обитает, то они надежно укрылись в потайных коридорах и твои шаги даже не услышат – атлантов среди них больше нет.

– Это несправедливо! – завопил я, в отчаянии едва не саданул кулаком по стене, но Соболев вовремя поймал меня за руку, предотвратив разрушения. – Если бы у них в плену оказался кто-то по-настоящему вам близкий, вы бы не рассуждали, а хватались за любую возможность! Но конечно же Ванька и Тася не атланты! Да вы их и не знали почти.

Зря я это сказал. Лицо Соболева, обычно такое открытое и располагающее к себе, на этот раз подернулось, словно рябью, настоящим гневом, и что в разы хуже – страданием. Он отвернулся от меня и негромко проговорил:

– Ты забыл, что среди них, возможно, находится Дима, который для меня как сын. И все вы – словно мои дети. И я прилагаю все усилия, чтобы отыскать его и Тасю с Иваном. Но я не стану рисковать еще и тобой. Хочешь помочь? Обещай не лезть ни во что опасное, чтобы не отнимать напрасно мое время.

– У вас уже есть план? – загорелся я надеждой, ведь Эрик Ильич никогда еще не бросал слов на ветер.

– Возможно. У нас с Тир-Убрелем, если быть точнее. Рассказывать о нем я пока не стану, уж извини. Так обещаешь?

– Обещаю, – вздохнул я.

На этом мы расстались: Соболев отправился досыпать, а я, поскольку сна не было ни в одном глазу, побрел на поляну. Стол стоял неубранным – вчера отмечали отвальную, потом Борис с Миленкой уехали, и наводить чистоту стало некому. Зато очень довольны остались наши козы и конь Пегас: они пожаловали на запах еды и так чисто все вылизали, что утром вполне сойдет за свежую сервировку. Одна из коз, белая и самая упертая, все еще стояла передними копытцами на столешнице, погрузив морду в салатницу. Я не стал ломать ей кайф и

пару часов занимался тем, что сначала чистил, потом выезжал своего любимца Пегаса – ведь теперь ему предстояло заново ко мне привыкнуть. В попытках подружиться мы долго бороздили дальние окраины пещеры, пока не примчалась Иола звать меня к завтраку.

Я немного удивился, обнаружив у стола Сашку Афанасенко и Галю, пару Марка, полненькую, румяную и такую милую, что даже смотреть на нее всегда было радостно.

– Мы теперь часто меняемся сменами, чтобы нам, Спящим, тоже бывать в школе, – ответил на мой невысказанный вопрос Сашка. – Ты с нами сегодня?

Я пожал плечами. В обновленной школе я еще не был, так почему бы не навеститься, хоть отвлекусь от мириад тревожных мыслей. Мы в темпе проглотили приготовленные девочками бутерброды, запили чаем, и немедленно потянулись к лестнице, налегке, без сумок или рюкзаков.

На месте мы были от силы через пять минут, – ведь нашу скорость скрывать больше не требовалось. А оказавшись на школьном дворе, я так и замер.

Над зданием уже потрудились Древние, хотя полностью разрушать не стали – оно же старинное, из золотистого местного камня. Силуэт и крыша сохранились, только оконные проемы увеличились и стекла из них исчезли, побеги изумрудного вьюнка не скрыли стены полностью, а словно растеклись по трещинам и стыкам камня, подчеркивая его красоту. Кроме того, появились просторные террасные пристройки с огромными столами и стульями, наверняка для циклопов. Двор в привычном смысле слова исчез, вместо него разбили сад с многочисленными широкими и узкими тропками, фонтанчиками и горками-клумбами; и сейчас по этим тропинкам стекались, спешили к школьному зданию дети и подростки всевозможных рас.

Саня ткнул меня локтем в бок, указывая на лазерный экран справа над овальной клумбой, на котором было расписание занятий, правда, без классов – просто перечень предметов. Каждые полминуты текст менялся с русского на общий и наоборот. В основном привычные уроки типа химии, русского, английского, но встречались и такие, что глазам не верилось: «Драконология» там, или «История исчезнувших рас», или «Криптозоология».

– А где деление на классы? – спросил я.

– А больше такого нет, – просветила меня Галя. – Ученик сам может решать, какие предметы и когда он посещает. Главное, чтобы раз в месяц на беседе со своим куратором он мог показать, ну, что движется вперед и набирается ума. Система Древних.

– Рванем сегодня на драконологию, а? – затеребил нас Афанасьев. – Я еще позавчера хотел, ну, ребят!

Никто, в общем, и не возражал. В расписании был указан номер кабинета, хорошо мне знакомый: раньше там был класс истории, последний раз я в нем с Димкой разговаривал, и это воспоминание здорово подпортило мое настроение. А сегодня мы вошли туда и обалдели: никаких парт не осталось и в помине, пол устлан пушистым зеленым ковром и завален циновками. Почти все уже были заняты, но последнюю в дальнем углу мы успели захватить. Расселись – Санька сразу прилег – и уставились на молодого улыбчивого флэмма, застывшего у лазерной доски в ожидании тишины. У меня екнуло сердце от очередного болезненного воспоминания о Данко, но тут учитель заговорил на общем языке, явно продолжая тему прошлого урока:

– Прежде всего напомним то, что уже говорил: никаких драконов в природе никогда не существовало. Но, похоже, образ этих жутковатых созданий сыскал себе прочное место в сердцах и умах людей разных рас, и, как говорится, драконы были обречены на то, чтобы однажды возникнуть. Толчком к их появлению стал генный эксперимент, прямо скажем, не слишком этичный. Но теперь драконы существуют, это факт, и нам предстоит научиться любить их и хорошенько о них заботиться.

Лотт, время от времени полностью сливающийся со стеной, робким голосом переводил слова флэмма на русский, так что, в общем, все было понятно. Потом учитель подробно и зажигательно рассказал, сопровождая свою историю изображениями на экране, как ученые Нижнего мира с нуля создавали драконов, какие происходили провалы и даже несчастные случаи, потому что поначалу эти существа получались то слишком свирепыми, то апатичными и нежизнеспособными. Было здорово интересно: я, например, никогда бы не угадал, что для наделения драконов способностью извергать огонь ученые из Древних досконально изучили жуков-бомбардиров. Или что вторые головы у драконов появляются только в период зрелости из постепенно растущей шишки в основании шеи. А я-то думал, дракончик Энерира просто другой породы, одноглавый. Минут через двадцать после начала урока педагог сказал:

– Ну, довольно на сегодня теории, всех попрошу за мной на стадион, чтобы воочию увидеть одного из героев моего рассказа. Теперь у нашей школы есть свой персональный дракон, думаю, вы с ним крепко подружитесь.

Поднялся шум, хотя и не такой, какой был бы в нашей обычной школе, отпусти нас какой-нибудь добряк с половины урока. Но ликовали все, даже ребяташки Древних, – ведь и для них драконы были чем-то из мира фантастики. Вместе с толпой мы выкатились на школьный двор, прошли до стадиона. А там...

– Ой! – Иола вдруг нырнула за мою спину.

Я завертел головой, выискивая опасность, но увидел лишь нашего друга Тер-Андроя: тот со взволнованным видом стоял посреди футбольной площадки и крепко держал за железную цепь небольшого бойкого дракончика с красноватой чешуей. Видно, не особо понимая, как вести себя с гомонящей толпой школьников, биорд заранее кивал нам и широко улыбался. По моему лицу, само собой, только мазнул быстрым взглядом.

– Ты чего прячешься? – уголком губ спросил я девочку, поскольку она надежно обосновалась за моей спиной и вылезать оттуда не собиралась.

– Не хочу его отвлекать, он и без того волнуется, – прошептала мне в затылок Иоланта. – А это, значит, его Гар-Гук, да? Здорово, мне так хотелось его повидать, то есть их обоих.

Я и сам с особым чувством оглядывал дракона, – ведь когда-то целую минуту я воображал себя его хозяином. Видно было, что Гар-Гук просто обожает своего наездника: почти не обращая внимания на толпу ребят, он ластился к биорду, клал головы на оба его плеча, приподнимал крыло и счастливо жмурил глаза, когда Тер-Андроль почесывал драконий бок своими когтистыми пальцами.

Когда все уgomонились, биорд начал рассказывать про своего питомца, сначала сбивчиво, потом все более увлеченно. А под конец и вовсе предложил желающим полетать. Первым, к моему величайшему изумлению, из толпы выскочил Витька Пронин, которого я прежде не приметил. Неужели излучение настолько меняет людей, что даже из трусов делает смельчаков?

Правда, выяснилось, что цепь накрепко приторочена к железному кольцу, вбитому в землю, и летать дракон мог только небольшими кругами. Тем не менее все были в восторге, и, даже когда от школы к нам долетел звонок на перемену, очередь не рассосалась. Биорд без устали подсаживал на спину своего воспитанника все новых желающих. Тут уж Иола перестала прятаться, и, хоть Тер-Андроль и стоял к нам спиной, но, видно, разглядел ее сквозь кудри затылочными глазами, оглянулся, всплеснул руками и бросился к нашей группе, забыв снять с драконьей спины юного лотта – ему помогли другие ребята.

– Иола, как я счастлив! – завопил он, суетливо обнимая девочку. – Я ведь специально раньше многих поднялся на поверхность земли, чтобы отыскать здесь моих друзей и спасителей!

На меня по-прежнему ноль внимания. Однако уже следующими его словами были вопросы:

– А что Алеша? Уже встает на ноги? Его можно повидать? Когда старина Шакракумор поведал мне... А я-то убивался из-за поломанного крыла! Надеюсь, он сумел принять случившееся и...

– Он перед тобой, Тер-Андроль, – ухитрилась вставить Иола.

Биорд замер с открытым ртом, заметался взглядом между мной и Сашкой, но Афана-сенко протестующе замычал и попятился, а я остался на месте. Тер-Андроль несколько раз судорожно вздохнул, поморгал и сглотнул, прежде чем произнес:

– Алеша! Да ты... ты еще подросток с нашей последней встречи!

Я был благодарен ему за эту попытку пошутить. И поспешил сменить тему:

– Ну а как твое крыло?

Биорд с готовностью помахал руками:

– Как новенькое, через пару дней можно будет взлетать. Жду не дожусь, когда увижу этот восхитительный мир с высоты птичьего полета. Но главное – когда снова оседлаю своего приятеля!

Он оглянулся на Гар-Гука, который в отсутствие хозяина сам исправно подставлял спину все новым пассажирам, однако его выпуклые глаза со сливовым отливом так и косили в нашу сторону. Похоже, истосковался бедолага за годы без хозяина.

– Тер-Андроль, а можно спросить кое-что? – начала Иола, и по ее вспыхнувшим щекам я сразу понял, о чем пойдет речь. – Та девушка, о которой упоминал Алеша... Ты что-нибудь узнал о ней?

– Не только узнал, друзья мои, не только узнал – я отыскал ее! – торжествующе вскричал биорд и потыкал пальцем в сторону трибун.

Там на скамье скромно устроилась девушка-биорд, рыжеватые волосы которой были заплетены в четыре тугие косички, задорно торчащие вверх аккуратно над каждым глазом. Мы помахали ей руками, и она старательно повторила наш жест, не принятый среди Древних.

– Это моя Тур-Гурлиль, – от смущения едва выговорил наш друг. – То есть, конечно, не совсем пока моя... Но мы собираемся пожениться, как только мое крыло полностью придет в норму.

– Как связано крыло со свадьбой? – спросил я и вполне предсказуемо получил тычок от Иолы.

– О, мы собираемся заключить брак по нашим древним традициям! – ничуть не обиделся биорд. – А для полной церемонии крылья просто необходимы, причем в отличном состоянии. К тому же я надеялся, что прежде отыщу вас и получу возможность пригласить на торжество. Всех, всех и ваших друзей тоже! – Быстрый взгляд на Сашку, на Галю.

– Мы это не пропустим, – заверил я.

– О, было бы замечательно, поскольку у моей невесты большая семья, а у меня только Гар-Гук...

– Даже не сомневайся, мы все будем на твоей свадьбе, – горячо поддержала меня Иоланта, а я протянул Тер-Андролью руку: пора было прощаться, на школьный стадион прибывали новые ребята. Ответное пожатие показалось мне каким-то вялым, да и сам биорд вдруг побледнел и несколько раз с силой втянул в себя воздух.

Иола и ребята уже отошли в сторону и поэтому ничего не заметили, а я заволновался:

– Ты правда в порядке?

– Само собой, – беззаботно отозвался биорд. – Нелегко, знаешь ли, привыкнуть к ощущению, что в твоей жизни все просто превосходно.

И заспешил к своему питомцу.

Перед вторым уроком мнения разделились: Иола хотела посетить занятие с мудреным названием «Этика нового мира», Сашка – спецкурс по возрождению природных богатств, Галя

– криптозоологию. А я... я решил, что на сегодня с меня хватит учебы. Недолгое оживление сменилось тоской: я думал о Тасе, как ей бы понравился этот новый мир, ведь кто больше ее любит цветы и животных! Иван смог бы наконец покататься на драконе, он так об этом мечтал, а Димка уже сейчас бы пытал Тер-Андроя насчет участия в Турнире... Как могло случиться, что их мечты стали явью для других? А я даже не был уверен, что все ребята живы...

– Вы идите, а я так... пройдуся немного, – сказал я. Конечно, тут же шесть пар встревоженных глаз начали исследовать меня с головы до ног.

– Голова разболелась? – округлила глаза Галя.

Иола, судя по ее печальному взгляду, куда лучше просекала ситуацию.

– Нет, просто есть неотложные дела, – отрезал я уже на ходу.

К счастью, скорость атланта дала мне возможность очень быстро оставить сочувствующие взгляды далеко позади.

Смывшись от ребят, я предсказуемо зашагал в сторону нашего дома и скоро уже стоял под окнами – своими и разинскими, переводил взгляд с одних на другие. Но в разгар солнечного дня по окнам нельзя было догадаться, находятся ли в квартирах их обитатели.

А вот двор наш круто преобразился. Для начала – исчезла помойка в самом центре, и теперь там три циклопа высаживали фруктовые деревья, уже взрослые, наверное, перенесли их из Нижнего мира. Рядом с детской площадкой выросло нечто вроде столовки под открытым небом: длинный стол со скамьями, каменная печка наподобие той, что у нас в лагере – нашу ведь тоже Древние презентовали. А теперь такие стояли едва ли не в каждом дворе, я пока не разобрался зачем.

Нужно было уходить, торчать здесь не имело смысла. Я крутанулся на пятках и едва не врезался в собственного отца, медленно бредущего по дорожке к нашему подъезду. От неожиданности у меня вырвалось:

– Папа!

Отец рывком вскинул голову, глянул на меня несколько ошалевшим взглядом смертельно уставшего человека:

– Что вы сказали, молодой человек?

Я находчиво исправился:

– Вы папа Алексея Громова?

Взгляд тут же стал цепким, тревожным:

– С Алешей что-то случилось?

– Нет, что вы! – Я даже руками на него замахал. – Просто мы с ним в одном лагере жили, который в лесу. Сейчас Леша за границей и не всегда может связаться с родными – может, знаете, что некоторые страны глушат любую связь с этим регионом. Но нашему директору он дозвонился, отчитался, что все хорошо, и просил навестить родителей, то есть вас...

У меня кончилось дыхание. Отец разглядывал меня таким странным взглядом, что мурашки побежали по спине. Вот сейчас узнает, догадается... но он только сказал:

– Ладно, раз поручили, то давай-ка поднимемся в квартиру, поговорим.

Я и обрадовался, и испугался, не знаю, что больше. К посещению родного дома пока не был готов, но отец уже распахивал дверь в парадное и призывно оглядывался на меня через плечо. Конечно же я вошел следом.

Поднялись на наш этаж, отец начал отпирать дверь в квартиру, но руки его здорово дрожали, так что он не сразу попал ключом в замок и пробормотал смущенно:

– Некоторые больше не запирают, вот и супруга меня бранит, но пока трудно перестроиться.

В этот момент я почти жалел, что папа не изменился, как другие обитатели города, то есть не стал безмятежным и всем довольным. Наверное, ему нелегко приходилось в этом новом

мире. И опять я не успел даже дух перевести, как в прихожую уже вышла мама, в элегантном платье и с прической, благоухающая своими любимыми духами.

– Илюша, ну что же ты убежал посреди ночи и меня не предупредил? – обратилась она к отцу таким спокойным голосом, словно спрашивала, что приготовить на обед.

Раньше такое нарушение семейных правил точно не сошло бы папе с рук, но сейчас мама выглядела совершенно невозмутимой и больше интересовалась своим отражением в зеркале. Меня не замечала, поскольку я застыл в дверном проеме.

– Прости, дорогая, были неотложные дела, – пробормотал отец и за рукав втянул меня в квартиру. – Вот с молодым человеком встретился.

– О! – Мать чутьочку растерянно заморгала красиво подкрашенными глазами. – Простите, не заметила! Как вас зовут, юноша?

– Дмитрий, – пробормотал я первое пришедшее в голову имя.

– Проходите и будьте как дома, Димочка! Мойте руки, оба на кухню – и завтракать! А у меня занятия.

Она легко порхнула между нами, чуть коснулась пальцами моего плеча, чмокнула отца в щеку, и каблучки изящных туфель застучали в направлении лифта. А отец уже увлекал меня в комнату: судя по всему, завтрак волновал его в последнюю очередь.

– Ну, теперь рассказывайте, Дмитрий! – приказал он, толкая меня в кресло.

– О ч-чем?

– Выкладывайте все. Что происходит в городе, какой морок нашел на жителей, почему я один, кажется, сохранил способность ясно соображать? Чувствую, вам известно больше моего.

– А куда ма... ваша жена куда ушла? – Я не тянул время, просто пытался собраться с мыслями.

– В школу для взрослых, учить языки захватчиков. Плюс там овладевают новыми профессиями для нового мира. Супруга теперь одержима проблемами озеленения, – криво усмехнулся отец, кивая на густо заставленный цветочными горшками подоконник и целый склад мешков с землей и удобрениями в углу.

За время моего отсутствия наша квартира стала какой-то захлавленной, но и более уютной, что ли. Раньше мама цветы в горшках не жаловала, считала, от них много грязи.

Отец молча ждал, и я начал рассказывать, – сначала с трудом подбирая слова, потом все уверенней, ведь на этот раз можно было говорить чистую правду, хоть и звучащую круче любого фантастического романа. Слушать папа всегда умел, ни разу он не перебил меня, и даже его дыхания я не слышал.

Я рассказывал о Древних и об атлантах, о лагере и Нижнем мире, об универсальном оружии, давшем возможность Древним захватить регион бескровно и без всякого ущерба для людей. Пока говорил, решал про себя: рассказать ли еще о Пещере Ложных Воспоминаний? Потом проще будет... но мешал страх, что отец обо всем догадается прямо сейчас, он и так глаз с меня не сводит.

Я закончил. Воцарилась тишина. Отец что-то напряженно обдумывал, а я изнывал от жалости, не в силах долго смотреть в это потерянное осунувшееся лицо.

– А ответ мне, пожалуйста, на один вопрос... – начал говорить папа и так привычно замолчал. Перед этой его фразой я трепетал с самого детства. Когда он входил в мою комнату, начинал так говорить, а потом замолкал, я тут же припоминал все свои грехи, пока неизвестные (или уже известные?) родителям. Хотя в результате отец мог всего лишь спросить, куда подевался его телефон или какие у меня планы на выходной. Вот и сейчас я тревожно замер, понимая, что вопрос уж точно не будет пустячным.

– Если я – атлант, и это передалось сыну и дочери, то почему сейчас я не только потерял свою жену, но и детей? – медленно закончил он.

– Что? Нет! Ты... вы их не потеряли!

– Да? А вот выглядит все иначе. Насколько я знаю своего Алешку, он никогда бы не уехал куда-то далеко и надолго, не повидав нас, особенно в свете творящихся перемен. А если Кира, как ты говоришь, потеряла свою пару и это очень болезненный процесс, то почему не возвращается домой, не ищет помощи у самых родных для нее людей?

– Возможно, пока она просто не может... – Тут я прикусил себе язык, понимая, что эта фраза его точно не утешит.

– Ты так считаешь? Но сегодня ночью она подходила к нашему дому.

– Что?! – Я вскочил на ноги, но тут же усилием воли заставил себя плюхнуться обратно. – Просто Леша очень переживает за сестру, он будет рад хоть каким-то новостям.

– Будет рад, говоришь? Да вот новости не слишком добрые. Где-то часов в пять утра я подошел к окну на кухне, глянул вниз и увидел там свою дочь. Эти Древние под каждым кустом натякали подсветку, так что ошибиться я не мог. Кира стояла с запрокинутой головой и смотрела прямо на наши окна. Тут я, конечно, совершил ошибку: распахнул окно и окликнул и только после этого бросился вон из квартиры. Но когда спустился, она уже исчезла, испарилась. Я пять часов бегал по всему городу, звал ее... Все тщетно.

Я не находил слов. То, что Кира была здесь, значило очень многое. Значит, я не ошибся, и приор со своими приспешниками и пленниками в самом деле не покинули город. Но и не замуровались в потайных пещерах, раз сестра имеет возможность выбираться наружу. Стоп, кто же выводит ее наверх, ведь для Расколотой это очень трудный путь?

– Простите, нужно идти, меня ждут! – Я понял, что если останусь, то обязательно чем-то выдам себя. А сказать отцу окончательную правду я пока не был готов, просто боялся, что она его доконает.

– Спешись, Дима? – Голос его звучал разочарованно. – А я надеялся, что мы позавтракаем вместе, жена, судя по запахам, что-то вкусное приготовила.

Он втянул ноздрями воздух и неубедительно изобразил оживленный интерес:

– Так что, составишь мне компанию?

Мне показалось, сейчас он добавит «сынोक», и я брошусь ему на шею. Но этого не случилось, так что я всем видом изобразил жуткую озабоченность:

– Нет, мне правда пора, столько дел! И я уже завтракал в лагере.

Отец больше не спорил, только пожал плечами и проводил до входной двери. А когда я уже стоял на площадке, вдруг спросил:

– Значит, атланты взяли сторону этих Древних, да? Против людей?

– Так ведь у нас и выбора не было, – почему-то стал оправдываться я. – Если бы оружие Древних использовали пажисты – вот это была бы катастрофа, они знаете какие мерзавцы? И вовсе мы не против людей, разве людям плохо в этом новом мире?

Отец дернул уголком рта, вроде как улыбнулся. И сказал:

– Ладно, Дима, дорогу к нам теперь знаешь. И если от Лешки нашего будут известия – ты будь другом, сразу забеги, договорились?

– Обязательно!

Вниз по лестнице я шел очень медленно. Мозги просто плавились от жалости к отцу и от тревожных мыслей о сестре. Получается, Кирка оказалась достаточно сильной, если, став Расколотой, не лежит в лежку, а бродит по городу, пусть и через месяц после случившегося. Но почему, в самом деле, не зашла домой, если свободна? Какой ей смысл теперь оставаться под землей? Разве только приор Гай держит ее на тех же поддерживающих уколах, что и Димку.

Вдруг меня поразила жуткая мысль: а может, сестра вовсе и не Расколотая больше? Приор мог в экстренном порядке подвергнуть ее операции, ведь после смерти Печерского у него больше не осталось в союзниках атлантов. Может, теперь она пара Димки или Ивана! Даже думать об этом было дико и тошно.

Я вывалился из парадного и вынужден был присесть на ступеньку, чтобы взять себя в руки.

Глава третья

Багровая ампула

Стук железной двери заставил меня вяло перевести взгляд в сторону звука. Дверь в разинское парадное была распахнута настежь, а по ступенькам медленно и осторожно спускалась чрезвычайно нагруженная женщина. Обеими руками она сжимала ручки десятилитровой кастрюли, вдобавок на локтях висели шуршащие хлебные пакеты, а под мышкой торчали пластиковые бутылки с водой. Женщина деловито устремилась в сторону стола, наверное, она была вроде как дежурная по кухне. Только секунд через десять до меня дошло, что это мать Таси и Ивана.

Я вскочил на ноги, вглядываясь в суetyщуюся у столов женщину. Прежде я видел ее пару раз, всегда растрепанной и в халате – теперь же на ней было почти летнее платье, короткие волосы блестели на солнце, и на лице не прослеживалось никаких следов недавних злоупотреблений. Пока я рассматривал женщину, появился и Разин-отец со сковородкой в руках. Вдвоем они начали бойко шуровать в печи, разводя огонь.

Сначала я намеревался просто подойти к ним, спросить о Тасе и Ваньке. Могут ли родители быть так веселы и безмятежны, не зная, где их дети? Сознание услужливо подсказало: могут, моя мать вон тоже в ус не дует. И у меня родился другой план.

Я вспомнил слова отца, что теперь мало кто запирает двери в квартиры, особенно когда ненадолго выходят во двор или нагружены по максимуму. А дверь в парадное так и стояла призывно распахнутой. Я вскочил, прокрался вдоль стены дома под прикрытием цветущего палисадника, мигом взлетел на пятый этаж. Так и есть, между дверью в квартиру и косяком оставалась щель с мою ладонь. Я глубоко втянул в себя воздух – и шмыгнул внутрь.

Заглянул сначала в гостиную. Там было свежо и очень чисто, на диване резвились, охотясь на хвосты друг дружки, два котенка, белый и рыжий. Прежде Тасе не разрешали заводить животных, а она так мечтала хотя бы о попугайчике. Неужели она дома? Задыхаясь от волнения, я рванул в ее комнату и застыл на пороге, стиснув зубы от разочарования. Пусто. Каждая вещь лежит на своем месте и словно кричит о том, что ее давно не касались руки юной хозяйки. В этой комнате больше не было жизни.

И все же я переступил порог и обошел всю небольшую квадратную комнатку по периметру. Я понятия не имел, что пытаюсь найти. Ясное дело, Тася не могла оставить для меня записку, с какой стати, я и не бывал тут прежде. Мебели было совсем немного, каждая вещь жалась к стене, словно пыталась отвоевать личное пространство. Диван под пушистым пледом,

напротив черное исцарапанное пианино, стол у окна да в простенках рядом с окном – самодельные полочки для книг и всякой мелочовки, небось Ванька мастерил.

Машинально я подошел ближе, скользнул растерянным взглядом по корешкам книг, по каким-то мелочам вроде стеклянного шара или набора резиновых уродцев. Пыль тщательно протерта: похоже, обновленная мать семейства была просто одержима страстью к чистоте. А значит, все здесь по многу раз передвигалось, и даже будь тут что-то для меня...

Стоп. На самой нижней полке лежал навороченный смартфон с подключенной зарядкой. Прежде я видел в Тасиных руках только ветхую раскладушку, но ведь Иван как раз говорил про посеянный сестрой телефон. Возможно, в тот последний день он и купил для нее новый, не пожадничал.

Я взял смартфон в руки, включил – и немедленно на экране высветилось сообщение:

Алеша, пришла домой, а у нас тренер Гай, пьет чай с братом. Я просто в шоке, как Ванька мог позвать этого гада! Наверное, снова уйду на улицу, в квартире страшно, он на меня так...

Сообщение обрывалось и отправлено не было, мой номер не введен. Что помешало Тасе закончить начатое? Не разобралась с новинкой, потребовалась срочная подзарядка? Или сообразила, что не знает на память моего номера, пошла спросить у брата? А может, эти двое сами позвали ее на кухню и в комнату свою она больше не вернулась? Думать об этом было страшно. Я сжимал смартфон в руках, как святыню, которой касалась Тася.

Потом снова перевел взгляд на книги: поверх корешков белел какой-то листок. Хотя я не ожидал найти послание, но почему-то все же вытянул находку на свет. И вздрогнул: с листа смотрел карандашный портрет меня самого – того, прежнего. Конечно, я сразу узнал летящий штрих и твердую руку Иоланты, она и мне на Новый год – кажется, уже сто лет назад – подарила портрет Таси. Я не мог понять, с какими чувствами, да и зачем вообще рисовала она эти портреты, раз потом призналась, что всегда относилась ко мне, как положено у нормальных атлантов. Да, душа Иолы для меня – полнейшие потемки...

Я с досадой сунул рисунок на прежнее место.

Какое-то движение, пойманное краем глаза, заставило меня вздрогнуть и собраться с мыслями. Я тщательно обследовал полку: между крупной сизой раковиной и ароматической свечой в форме цветка лотоса обнаружилась граненая ампула длиной сантиметров десять, с плотно пригнанной стеклянной крышкой. Через отверстие в крышке был пропущен черный шнурок, – похоже, кто-то носил эту штуку на шее. Ампулу наполняла багровая жидкость крайне подозрительного вида, и самое странное, что она находилась в непрерывном движении, как будто кипела. Не полагаясь на руки, я приложил стекляшку к щеке. Содержимое в самом деле было теплым, но до температуры кипения, конечно, недотягивало.

Ампула совершенно точно привет из Нижнего мира, значит, скорее всего, принадлежала приору Гаю. Они не позвали Тасю, они пришли за ней сюда. Наверняка она защищалась и сорвала эту вещь с шеи приора, а потом уже ее нашли родители и с присущим обновленным людям равнодушием уложили среди вещей дочери.

Я подумал немного, потом заново связал концы шнура, надел ампулу на шею и выскользнул прочь из квартиры.

В лагерь я вернулся с твердым намерением не обсуждать появление Киры ни с кем, кроме Соболя. Слишком хорошо представлял, какие версии будут выдвигать ребята, и каждая станет мне как ножом по сердцу. А вот у директора, возможно, найдется какое-то объяснение всем этим странностям с сестрой, заодно и странную находку ему покажу.

У входа в спальный туннель споткнулся о полупустой рюкзак, брошенный прямо на траву. Настроение и так было не к черту, а тут уж я разорался на все подземелье:

– Эй, кто тут вещи свои разложил?!

И немедленно из туннеля выглянула Иола с еще более хмурым видом, чем у меня, спросила предгрозовым голосом:

– А в чем проблема?

– Ни в чем, – поспешил я на попятный, ведь ссориться с Иолой – себе дороже. – Просто наступил на него случайно, надеюсь, ничего там не раздавил. Куда-то собралась?

Девочка молча подошла к своему имуществу, опустила на корточки и впихнула туда комок каких-то ярких тряпочек. Я терпеливо дожидался ответа.

– Допустим, собралась, догадливый ты наш.

– А куда именно?

Вместо ответа она потыкала пальцем себе под ноги.

– В Нижний мир? На прогулку?

Взбешенный взгляд так и обжег меня:

– Что?! Мне заняться, по-твоему, больше нечем? Намерена разобраться, почему погибли те, кто выходил из Черных Пещер, если ты еще не забыл о них!

– Не забыл, – немного смутился я. – Я просто думал... ладно, неважно. Директор в курсе?

Иола сдержанно кивнула.

– Неужели? А вот я почему-то думаю, ему эта идея категорически не понравилась бы. Я сегодня тоже пытался договориться об одной важной экспедиции, так он меня даже слушать не стал.

Иоланта на миг перестала копаться в вещах, замерла и уставилась на меня любопытными глазами:

– А ты куда собирался-то?

– Хотел спуститься в Игореву пещеру, посмотреть, что там да как.

Девчонка закатила глаза, а потом еще покрутила пальцем у виска, чтобы до меня уж наверняка дошло:

– Сравнил! Там же кто угодно может затаиться, в этой пещере. А я просто собираюсь в Нижний мир и заодно наведаться к водопаду. В этом же нет ничего опасного – ну, если только тебя не везет к нему вагонетка.

– Просто наведаться? И что это даст?

– Хочу пройти вниз по течению, там вроде была тропинка вдоль берега. А если нет, то проплыть.

Меня так и передернуло от этих слов. Умом я понимал, что вода в подземной реке проточная, но все-таки плыть там, где прежде вода проносила десятки мертвых тел и... возможно, где-нибудь на отмели десятилетиями лежат скелеты...

– Соболю все это не понравится, – повторил я с нажимом. На самом деле это в первую очередь не нравилось мне, но ведь бесполезно говорить об этом Иоле, верно? – Ты должна с ним поговорить, сама же вечно талдычишь о дисциплине.

– А между прочим, у меня уже есть разрешение на этот поход! – вздернула подбородок упрямая девица. – От самого Великого Жреца, а он сейчас вроде как президент территории, попавшей под влияние Древних. После школы я забежала к нему в штаб, и мы немного поговорили. Тир-Убрель сказал, что ему самому не дает покоя эта жуткая история, но сейчас у него нет возможности этим заниматься, а разобраться не мешало бы...

– Только не говори, что он ТЕБЕ поручил разбираться!

– А что такого? – ошетилилась Иоланта. – Борис с Миленой получили дипломатическое задание и отправились за границу, а мы такие же Соединившиеся, всего-то на пару лет младше их. И вообще, тут дел на пару часов, к вечеру уже вернемся.

– Ладно, – сдался я. – Сейчас переоденусь, и двинем.

Показалось мне или нет, но лицо Иоланты мигом разгладилось, просветлело, губы растянулись в улыбке, которую она немедленно скрыла ладонью. Протянула равнодушно:

– Ну, если хочешь...

Я не хотел, но и отпустить ее одну не мог. А потом, небольшая экспедиция поможет хоть немного отвлечься от мыслей о сестре, о родителях и пропавших друзьях.

– Только я против такого странного плана. Куда логичнее зайти в деревню рядом с Черными Пещерами, откуда народ отправляли на смерть, и расспросить жителей, что за дела у них тут творились.

– Ага, так они тебе и признаются! Великий Жрец считает, что большинство жителей были не в курсе происходящего. А если кто и знает, – как мы их вычислим? Такие наверняка первыми поднялись на поверхность земли, на всякий случай, чтобы избежать ответственности. А может, и деревни там больше нет, разобрали все свои домики – и айда наверх. И вообще это тоже идея Жреца: он сказал, что у Древних немного иначе устроены головы, чем у людей, и они бы никогда не позволили мертвым телам куда-то бесконтрольно уплывать.

Я подумал, что у Великого Жреца голова точно устроена очень странно, если он обсуждал такие вещи с пятнадцатилетней девчонкой, вместо того чтобы строго-настрого запретить ей даже соваться туда. И повторил, как спасительную мантру:

– Так мы предупредим Эрика?

На этот раз Иола не стала прятать ехидную улыбочку во весь рот:

– А ты не в курсе? Ну да, ты же пробегал непонятно где все утро. А за это время Соболи собрались и отправились в Париж, ага! Представляешь, там уцелела часть общины Древних, которую пажисты вроде как уничтожили. Вот они сразу и сорвались с места.

Я разочарованно зашагал в сторону своей пещеры.

– Да, еды какой-нибудь возьми, если в комнате хранишь, – полетело следом распоряжение Иоланты. – Воды тоже. А поужинаем уже в лагере. Или нет, я еще планирую к Шакракумору в гости зайти, а он уж точно не отпустит нас без ужина.

– Вряд ли у меня там будет аппетит, – проворчал я себе под нос, впрочем, она же все равно меня слышала. – Вот воды захвачу, чтобы не так, как в прошлый раз...

– Ладно, на кухне сейчас наделаю бутеров. – Голос Иолы звучал тепло и миролюбиво, как всегда, когда она добивалась своего. – И одежду возьми на смену или плавки... В общем, сам решай.

Через пять минут, в спешке покидав в рюкзак что под руку попало, я подошел к нашей кухне на поляне. Там Иола с Зиной что-то ловко резали и заворачивали, при этом громко хохотали и сгибались от смеха пополам. У Зиночки на этот раз волосы были заплетены в две косы и смешно уложены вокруг ушей, подстриженная челка спадала до носа. Почему-то при виде ее у меня снова участилось дыхание, а ноги стали ватными.

Иола, увидав меня, перестала заходиться от смеха, смела все со стола в рюкзак и подошла ко мне опять с рассерженным видом, прошипела в ухо:

– Прекрати на нее таращиться! У Зиночки муж есть, между прочим!

– Иола, что за дикие мысли?!

– Ой, вот только не надо! Я знаю тебя как облупленного!

Есть вещи, которые не меняются: я снова первым заткнулся. До лифта в Нижний мир нас проводил позевывающий Марк – они с Галиной теперь вот так в обеденное время менялись сменами. Кажется, он был уверен, что мы просто идем к кому-то в гости, поэтому никакого беспокойства не проявлял, наоборот, вздохнул с явной завистью и пожелал хорошо повеселиться. Я тоже вздохнул: то еще веселье предстояло. Но лифт уже уплывал вниз.

Нижний мир не изменился. Все так же было полно жителей в городах и поселках, детский смех и голоса отражались от земляных сводов. Хотя мы видели много домов и в полуразобран-

ном состоянии – Древние готовились к смене образа жизни. По возможности продвигались на полной атлантической скорости, снижали темп только в густонаселенных местах, чтобы случайно кого-то не затоптать. Но такие места мы старались огигать – слишком много вопросов было у Древних, а мы не располагали временем – да и настроением – отвечать на них.

Наконец пронзающая потолок башня подсказала нам, что мы уже в столице Нижнего мира. Стараясь не смотреть в сторону дворца – уж слишком много с ним связано жутких воспоминаний, – мы добрались до лифтов, связывающих столицу с уровнем Заповедника. Был разгар дня, и к кабинкам выстроилась длинная очередь. Я подтолкнул Иолу локтем:

– Постоим или пробьем еще одну дырку?

– Постоим, конечно... Ой, смотри, кто там!

Я глянул в указанном направлении: там у самых сомкнутых дверей лифта переминался в нетерпении с ноги на ногу юный циклоп Притыкрык. Листал блокнот размером с подушку и что-то отмечал в нем наполовину сгрызенным метровым карандашом.

– Привет, Притыкрык! – подскочив к нему, затарабанила на общем Иоланта. – Вот так встреча!

Неподдельная радость разлилась по круглому румянному лицу циклопа. Первые мгновения он и слова не мог выговорить от волнения, потом вскричал, да так, что перекрыл все прочие звуки:

– Иола! Я так рад! А как твой раненый друг-биорд, надеюсь, жив?

– В полном порядке, долечивает крыло и собирается жениться!

– А... второй друг?

– Какой? А, поняла! – Иола с силой хлопнула себя ладонью по лбу. – Алексей в порядке, он наверху, занят делами. А это тоже мой друг... Э-э-э, Алеша Громов. Познакомьтесь, пожалуйста.

Циклоп немедленно изобразил передо мной ритуал первого знакомства, состоящий из серии притоптываний и хлопков. Я в ответ вежливо ему покивал и спросил, не собирается ли его семейство перебраться на поверхность земли. Притыкрык этот вопрос привел в невероятное возбуждение:

– Я так мечтаю об этом! Пару дней назад мы поднимались наверх на ознакомительную прогулку. Вместе с родителями, моими братьями и сестрами. Верхний мир так прекрасен! Но родители не торопятся.

– Почему так?

– Ну, мама боится, что ей там будет не уследить за всеми детьми. А отец хочет, чтобы я доучился в старой школе.

– Может, он и прав, – согласился я. – Новая школа – это всегда катастрофа.

Иола выразительно хихикнула. Соседний лифт, загрузив чуть ли не половину очереди, бесшумно захлопнул двери. А я вспомнил кое-что важное.

– Слушай, приятель, тебе знакома эта штука? – Я вытащил из-за ворота футболки графеную ампулу и продемонстрировал циклопу.

Единственный глаз Притыкрыка увеличился вдвое и отразил настоящий ужас, а сам он резко отступил на пару шагов, едва не растоптав с десяток Древних. И заговорил испуганно:

– Это... это очень плохая вещь! Очень! Ее нельзя носить при себе!

– Она опасна? – быстро спросила Иола, уже поднимая руку, чтобы сорвать ампулу с моей шеи. Я отгородился от нее локтем.

– Этого я не знаю. Я видел ее только на картинках в наших учебниках истории. Из-за этих штукосин много лет назад случилась большая война!

– А поконкретней? Что за война и при чем тут ампула?

Притыкрык долго морщил лоб, что-то бормотал себе под нос и хлопал ресницами, так что нас даже ветром обдувало. Потом виновато произнес:

– Больше я ничего не помню. Знаю только, что эту ампулу нельзя носить и показывать другим, если не хочешь быть сосланным в Черные Пещеры. Нельзя даже рисовать – потеряешь все часы за общественные работы. Это очень, очень плохая вещь!

– Спасибо! – поблагодарила его Иола, кидая на меня предупреждающий взгляд.

Я тут же засунул ампулу поглубже под футболку. Как раз в этот момент распахнулась дверца лифта, мы с Иолой посторонились, пропуская стоявших впереди, однако нас настойчиво и в то же время вежливо затолкнули в кабину.

– Гости! – звучало на разных языках.

Через минуту кабинка мягко спружинила и распахнула дверь в изумрудный и звонкий мир Заповедника.

На выходе мы распрощались с циклопом: он спешил поприветствовать и зарисовать одного из представителей местной фауны. И скоро слился с толпой отдыхающих, не переставая оборачиваться и помахивать нам рукой-лопатой. Хотя нет, махал он Иоле, а на меня поглядывал скорее испуганно. Мы же сразу направились к нужному туннелю.

– Ну! – немедленно подступила ко мне Иоланта, стоило оказаться вдали от толпы отдыхающих. – Рассказывай, где раздобыл эту дрянь?

– Нашел, – хмыкнул я, не собираясь вдаваться в подробности.

– Да неужели? Вот так прямо шел и чуть не наступил?

Я резко затормозил, Иола прошла по инерции еще с десяток шагов, потом обернулась на меня:

– Ну что еще?

– Иола, – медленно проговорил я, – если ты хочешь, чтобы между нами были нормальные отношения, перестань вести себя так, будто ты вся такая взрослая, а я малолетний придурок. Ни с кем и никогда такая манера не прокатит, ясно?

– Так я же старше тебя, – фыркнула девица. – На два месяца, не забыл?

– Прекращай, ладно? Мы с тобой ровесники, хотя в последнее время я в этом начинаю сомневаться.

– В смысле? – недобро прищурилась Иола.

– Только не обижайся, но ты мне кажешься абсолютным ребенком со всеми этими дурацкими обидками, приколами и замашками на лидерство, – скрепя сердце нанес я сокрушительный удар. Я утешал себя мыслью, что это ради самой Иолы: ее просто необходимо поставить на место.

Удар попал в цель. Смуглые скулы Иоланты мраморно побелели, взгляд остекленел. Но уже через секунду в черных глазах заплескалось холодное пламя:

– Думаешь, сильно повзрослел только потому, что теперь тебе нравится Зиночка? Да это просто новое тело диктует, разве не ясно?! Тебе и Тася сейчас показалась бы ребенком. Мучился бы, бедненький, стараясь понять, почему не она теперь предел твоих мечтаний, а взрослая девушка!

Я содрогнулся от такого ответного залпа. А Иола не умолкала:

– И все равно ты остался прежним, не воображай. Соболь сказал, что тело ничего не значит, все диктует душа, но с тобой он ошибся, как по мне!

– Ты что, обсуждала меня с Эриком?! – заорал я. Не удивлюсь, если какой-нибудь робкий додо свалился замертво от моего вопля.

– Естественно, а что тут такого? Мы все переживаем за тебя, только директор считает, что ты сам должен дозреть до разговора с ним.

– А зачем нам разговаривать? – Я в срочном порядке припомнил все свои косяки за последнее время. Вроде ничего такого, что заслуживало отдельной беседы с Сободем.

– А ты не понимаешь? Знаешь, сыновья, когда резко взрослеют, советуются по этому поводу со своими отцами. У тебя, понятное дело, нет такой возможности, зато Эрик Ильич всегда в твоём распоряжении.

Я закатил глаза:

– Спасибо, теперь все понятно.

И рванул вперед с удвоенной скоростью.

Глава четвертая

Куда ведет река Мертвецов

Когда мы достигли туннеля, ведущего к водопаду, то здесь уж не стали терять времени – припустили во весь опор. Скоро шум воды, громкий, непостижимым образом проникающий сквозь камни, дал знать, что мы близко к выходу. Точнее сказать, к единственному месту в Нижнем мире, которое внушало мне ужас и отвращение.

И вот мы наконец стояли у того места, где бурная река снова убегала в туннель. Как и предполагала Иоланта, сухопутный путь здесь тоже был, правда, без рельсов и освещения, просто тропа у самой кромки воды, то и дело сползавшая в реку, сырая и скользкая. Пришлось двигаться на почти человеческой скорости, высвечивая фонариками каждый бугорок, если мы не хотели каждую пару метров шлепаться в буйный поток. Я предлагал сразу плыть, но Иола стояла на том, что нужно осмотреть все досконально.

Этот участок пути занял у нас больше всего времени, не меньше часа, по ощущениям. Дышать было тяжело, водная взвесь висела в воздухе, забивалась в ноздри.

Вдруг лучи наших налюбных фонариков рассеялись, и мы обнаружили, что вышли в круглую пещеру размером с арену цирка-шапито. Река превратилась в озеро, кипящее в центре водоворотом. Тропа описывала правильный круг и уводила в обратном направлении. Мне тут же пришел на память треклятый путь вагонетки.

– Похоже, тупичок, – сообщил я, пытаюсь сделать вид, что до смерти этим огорчен. – Видишь, дальше озеро втягивается в более узкий туннель, наверняка полностью затопленный. Давай возвращаться, без подводного снаряжения туда соваться нет смысла.

– Не факт! – горячо запротестовала Иола, требовательно вглядываясь в озерную черноту. – Может, река просто преодолевает узкое препятствие – вон эту каменную гряду, – а дальше снова течет нормально. Нужно нырнуть и посмотреть.

Я понял намек и начал молча стягивать с себя футболку. Иола тем временем метнулась к своему рюкзаку, порылась там и подошла ко мне с солидным мотком альпинистской веревки с двумя карабинами на концах.

– Это еще зачем?

– Затем! Видел, какой водоворот? Я же говорила тебе, что едва выбралась, когда меня почти затянуло в подводный туннель.

– Ладно. – Я прикрепил карабин к ремню джинсов, из которых не собирался вылезать. И без долгих раздумий сиганул в озеро.

Вода, похоже, была здесь просто ледяная, хорошо, что это меня никак не тревожило. Куда больше волновало, хватит ли дыхания, чтобы обследовать дно, не хотелось отфыркиваться на глазах Иолы. И еще я очень надеялся не обнаружить на дне... В общем, я хорошенько продышался и ушел вертикально вниз.

Озеро оказалось не слишком глубоким, довольно прозрачным и походило на котел, который продырявили ближе к днищу. В эту дыру с бурлением втягивалась вода. Дыхание вроде еще оставалось, и я решил рискнуть: подплыл к дыре и заглянул в нее.

Немедленно поток подхватил меня и потянул вперед. На мою удачу, проход оказался длиной всего метров пять, однако этого хватило, чтобы в груди моей не осталось ни грана воздуха. Выброшенный из туннеля, я забарахтался, забился в воде, не понимая, где верх, но вода и сама услужливо вытолкнула меня на поверхность. Отплевываться и отфыркиваться пришлось долго, но хоть не на Иолиных глазах. Про себя я отметил, что Игорева дыхалка явно дает фору моей бывшей.

Я огляделся: река бойко текла по такому же высокому туннелю, как и прежде, разве что тропинок вдоль берегов не наблюдалось. Но как я ни вглядывался вперед, даже своим атлантским зрением видел только черноту.

Веревка требовательно задергалась. Я снова продышал легкие, наполнил их воздухом и поплыл назад. На этот раз испытание оказалось не из легких: встречный водный поток с силой лупил в грудь и плечи, норовил опрокинуть и подмять, как драчун-громила. На мое счастье, туннель был так узок, что мне удалось упереться в его стены руками и ногами, и бороться со стихией стало куда проще.

Давление воды все возрастало, и я всерьез опасался за сохранность джинсов, но упорно двигался вперед. Иоланта же, поняв, что я возвращаюсь, или просто от нетерпения, в свою очередь потянула веревку на себя, и совсем скоро я уже вынырнул у ее ног. Выполз на берег, первым делом осмотрел себя на предмет одежды. Не, вроде все на месте, только одна штанина оторвалась ниже колена. Отвязывая веревку, отчитался:

– В общем, там узкий проход, а дальше опять река течет нормально. Куда течет – не видать. Не думаю, что нам стоит туда соваться... Ты что делаешь?

Иола с озабоченным видом паковала в полиэтиленовый пакет свой свитер.

– Все же собираешься дальше, – вздохнул я. – А ничего, что мы едва ли сможем вернуться назад этой дорогой? Без веревки почти без шансов.

– Ничего, выберемся в другом месте! Иначе какой смысл был сюда переться?

Но все же мне показалось, она здорово нервничает, и поэтому я спросил напрямую:

– А что не так?

– Я никогда не ныряла, – не стала темнить девочка. – То есть теоретически я знаю, как это делается...

– Слушай, а ты вообще плавать-то умеешь? – спохватился я.

– Конечно! Прочитала, а потом отработала движения в нашем озере. Все стили, – похвасталась Иола. – Но до ныряния еще не дошла.

– Плохо дело, – сказал я. – Там придется надолго задержать дыхание, а если у тебя нет практики...

– Ерунда! Это я как раз отлично сумею. У меня супертренированная дыхалка!

– С чего бы?

– С того бы! Знаешь, когда тебе ночь напролет нужно лежать без движения, чтобы не вцепили укол, задерживать дыхание – единственное доступное развлечение. Так что пару минут запросто продержусь! Ты только покажи, как правильно подныривать, а то меня вода выталкивает, – совсем по-детски пожаловалась Иола.

– Ладно, полезай в озеро, научу, – вздохнул я.

Обучение в самом деле не отняло много времени. Я лишь показал Иоле, как правильно держать голову, чтобы сразу уходить на дно, и через минуту она уже держалась так, будто я пристаю к ней с очевидными вещами.

– Только обязательно свяжемся веревкой, чтобы я мог тебя контролировать под водой, – потребовал я, вылезая на узкую полосу берега.

Иола из воды сверкнула на меня глазищами, тряхнула мокрыми волосами:

– Зачем это? Я прекрасно справлюсь и сама, встретимся в следующей пещере!

– Тогда уж у Шакракумора, раз такая умная, – отрезал я и сделал вид, что лезу в рюкзак за футболкой. На самом деле больше всего мне хотелось объявить экспедицию законченной и действительно повернуть назад. Наверное, такие вещи и называются недобрым предчувствием.

– Ладно, тащи сюда свою веревку, – нехотя сдалась девчонка.

Я сел на край тропы и свесил в воду ноги:

– В самом деле, Иола, ну глупость же мы делаем. Лезем, в прямом смысле не зная броду, неизвестно куда. А если там тупик и река никуда не ведет, то как вернемся? Учти, в воде наша сила не особо себя проявляет.

– Подумаешь! Найдем способ выбраться на поверхность.

– Будем крушить земляной свод? Во-первых, из воды это делать не слишком-то удобно. Во-вторых, мы даже не знаем, что над нами, может, центр Питера?

– Ладно, не паникуй, я все продумала, – с надменным видом заявила Иоланта, вылезая из воды и извлекая из рюкзака связку скальных крючьев различного размера и формы.

– Вот, вобьем их в стену, если что!

Идея мне понравилась, нам ведь не нужен молоток, чтобы загнать такую штуковину даже в камень. А с ней и против течения можно нормально двигаться.

В общем, я накрепко привязал Иолу к себе, обмотал оставшуюся веревку вокруг пояса, мы надели рюкзаки и дружно на счет «три» ушли под воду. А дальше уже водный поток подхватил и перенес нас в следующую пещеру. И там, подгоняемые течением, мы даже не поплыли – понеслись вперед, как парусники при попутном ветре.

Примерно через километр подземная река, постепенно растеряв силу течения, уже текла неспешно, но все так же по прямой. Я ругал себя за то, что не додумался захватить компас и хоть как-то сориентироваться. Впрочем, если подумать, то какая разница, лишь бы наконец приплыть куда-то.

В конце концов мы увидели на горизонте грязно-белое бурление, окутанное облачком водяной взвеси: впереди явно было какое-то препятствие.

Так оно и оказалось. У скального выступа река делилась на два рукава, убегающих в туннели. Но первый сразу резко шел вверх, поэтому вода здесь не задерживалась, отступала обратно. Поток снова собирался воедино и с обиженным ревом устремлялся во второй туннель, забранный крупной решеткой.

У меня даже живот скрутило: если предположить, что река все время тащила тела утопших, то дальше этой решетки деться им уж точно было некуда. И она не просто так была тут установлена... Я посмотрел на Иолу и в ее округлившись глазах прочел те же опасения. Затягивать с этим не хотелось, так что я мигом отстегнул карабин и нырнул. Опустился на песчаное дно перед решеткой, пониже нагнул голову с фонариком, даже поскреб пяткой дно, взбаламутивая песок. Чисто!

– Там ничего нет, – сказал я, выныривая на поверхность и отвечая на безмолвный вопрос Иоланты.

– Решетку можно поднять?

– Нет, я проверил: она наглухо вмонтирована в камень. Могу на раз ее выломать, но в этом нет смысла, за ней мы ничего не найдем.

Я подхватил Иолу за пояс и посадил на край второго, сухого туннеля – она недовольно зашипела – и сам уселся рядом.

– Похоже, когда тела доплывали досюда, то застревали в решетке, а затем кто-то их вытаскивал и уносил. Значит, ответ – там. – Я потыкал пальцем в темноту туннеля.

Иолу словно подбросило, и она в нетерпении даже слегка пнула меня в бок:

– Так пошли, чего сидим!

Никогда не встречал девчонку, которую с такой силой притягивали бы неприятные и опасные маршруты! Но пришлось вставать и двигаться за ней следом.

Шли не слишком быстро, чтобы не упустить каких-то важных деталей. И они скоро обнаружили, эти детали: в десятке метров от входа в туннель мы увидели висящий на вбитых в стену скобах предмет вроде наших граблей, но крупнее. Наверняка тот, кто проходил здесь, прихватывал по пути эту штуку, чтобы, не замочив ноги, затащить в туннель то, что принесла река. Судя по высоте потолка, тут вполне могли свободно передвигаться циклопы, главные носильщики тяжестей в Нижнем мире.

Значит, Великий Жрец был прав, и мы в любой момент могли выйти к кладбищу несчастных выходцев из Черных Пещер. Интересно, какие вообще кладбища у Древних? Прежде они никогда мне на глаза не попадались.

– Иол, а как хоронят у Древних?

Девочка, шедшая за мной след в след, вздрогнула и замерла на мгновение – похоже, забрела в своих мыслях в какие-то невероятные дали.

– Ну, у них кладбища всегда уровнем ниже, словно как у нас в подземный переход спуститься. Надгробий они не ставят, так что это место больше смахивает на цветущий садик.

Я кивнул: что ж, будем искать нечто цветущее. Интересно, когда найдем искомое, согласится ли Иола повернуть назад? Хотя, что это я, пустые мечты, наверняка захочет проследить, откуда приходили могильщики! Лично я бы уже выбирался на поверхность, чтобы доложить об увиденном Великому Жрецу – пусть посылает сюда нормальную экспедицию.

Впереди забрезжило слабенькое зеленоватое свечение. Мы поспешили выключить наши фонари, и зеленое пятно буквально расцвело, повеяло чем-то свежим, цветочным. Тут же перешли на бег и через пару мгновений вылетели через земляной укрепленный камнями проем – предварительно разметав их – на простор подземного поселения.

На первый взгляд показалось, что это обычный городок Древних. Светило и грело искусственное небо, среди густой зелени повсюду виднелись разномастные домики подземных жителей. Однако моя интуиция так громко вопила о близкой опасности, что мне за нее даже стыдно стало.

Ближе других к туннелю стоял флэммовский дом-беседка, следом за ним узкий двухэтажный теремок биордов и похожий на поленницу домик лоттов с их излюбленным садиком на крыше.

– Гляди! – Иола схватила меня за плечо и указала куда-то вбок.

И я увидел: на стене обиталища людей-птиц была объемно и ярко изображена та самая ампула, которая висела сейчас на моей шее, только размером в пару метров.

– Слушай, есть предложение... – начал я.

– Нет!

– Иол, ты хоть понимаешь, что мы сейчас не в обычном мире Древних? Возможно, это колония тех, кто по какой-то причине отделился от всех прочих, и мы не знаем, по каким законам они живут. А главное, как относятся к неожиданным гостям.

– Вот и нужно это выяснить, – заявила Иола. – Выбери, в какой дом поступимся.

Я обреченно вздохнул и мотнул головой в сторону беседки флэммов. Все же эти ангелоподобные существа всегда вызывали у меня наибольшее доверие. В следующий миг, едва не столкнув меня с тропинки, Иоланта понеслась к дому: наверняка сама побаивалась, вот и не

давала себе ни секунды на размышление. На всякий случай я ее обогнал и первым миновал живую изгородь.

Вскрик Иолы и последовавший за ним перезвон – словно с десятков колокольчиков разом – заставили меня едва ли не подлететь в воздух. Обернулся: девочка прижимала к губам тыльную сторону ладони, капли крови стекали по пальцам.

– Иола, что?..

Она молча указала мне подбородком на полыхающие желтыми соцветиями кусты живой изгороди. Приглядевшись, я увидел среди зелени металлическую нить с пучками очень длинных и игольно-острых колючек через каждую пару сантиметров. Эта опасная дрянь была здесь повсюду. Кроме того, на кончиках веток повисли маленькие колокольчики, приходящие в трепет от самого легкого прикосновения.

– Слушай, мне это не нравится, – снова нахмурился я. – Не стоит нам соваться в это непонятное...

– Поздно. – Иола с кривоватой усмешкой кивнула в сторону дома.

Привлеченный звоном, из-за приотворенной двери уже выглядывал хозяин, флэмм с пшеничными волосами до пояса и ярко-синими глазами. Да, и еще с деревянным копьём в занесенной руке, с металлическим наконечником и противовесом. Я попятился под прикрытие кустов, волоча за собой Иолу. Но флэмм, слегка оттолкнувшись от порога, запрыгнул на перила беседки – и мы оказались у него как на ладони.

А потом случилось совсем уж неожиданное: увидав нас, флэмм выронил оружие, слетел с перил и опрометью пронесся по дорожке. Распахнул перед нами калитку и вдруг рухнул на колени, приник щекой к моей голой грязной ступне.

Я дернулся было поднимать незнакомца, но вовремя сообразил, что этот порыв наверняка продиктован веской причиной. Флэмм уже и сам поднимался на ноги, не отрывая от меня подобострастного и молящего взгляда.

– Добро пожаловать, господин! Мы ждали так долго, что уже почти потеряли надежду.

Потом отступил и смиренно застыл в поклоне, ожидая, когда я соизволю зайти в его жилище. Я взял за руку Иолу, и мы вместе проследовали под решетчатую крышу увитой выюнком беседки.

Внутри было просторно и в целом мало чем отличалось от улицы из-за обилия цветов и растений. Простая, изящная мебель, круглый стол с набором стульев в расчете на представителей различных рас. Нам было предложено занять узкий, но очень удобный диван, обтянутый пушистыми шкурками местных зверюшек.

Но в целом жилище производило впечатление захламленного и унылого, похоже, флэмм проживал один и не особо озадачивался поддержанием порядка. Он немедленно начал суетиться по хозяйству, накрывая низкий овальный столик перед диваном к чаю. Я же мучительно пытался сообразить, как вести себя с этим типом, имени которого не знал, но который, похоже, отлично знал меня. Точнее, Игоря, и в то же время не был осведомлен о его смерти. Откинувшись на высокую спинку, я прикрыл глаза и немного выдвинул подбородок, припомнив подобное выражение у Печерского. Флэмм, снимавший с печки чайник, бросил на меня особенно тревожный взгляд. Заподозрил что-то?

– Вы пришли водным путем? – прозвучал вопрос.

Понятно, среагировал на нашу еще мокрую одежду, оставлявшую разводы на его мягкой мебели.

– Да, нужно было кое-что проверить, – обронил я как можно равнодушной. Ясное дело, Печерский приходил сюда иначе.

– Желаете переодеться? У меня найдется одежда на вас и вашу спутницу.

И глянул поверх наших голов на стену. Я повернулся: на стенном каркасе из тонких осиновых планок между воцеленными листьями выюнка проглядывал портрет прекрасной флэммки

с мальчиком на руках. Вот как, значит, флэмм живет не в одиночестве. Или жил? От одежды мы дружно отказались.

И тут хозяин дома снова огорошил меня.

– Как здоровье вашей половинки? – лстиво улыбаясь, задал он невероятный вопрос. – В свой последний визит она казалась чуточку усталой.

– Напомните, когда именно вы ее видели? – холодно обронил я.

В глазах флэмма увидел явное замешательство, похоже, я напортачил. Возможно, не стоило обращаться к нему на «вы», а может, вопрос был до невозможности дурацкий. Но, чуть помедлив, он все же ответил:

– Это случилось ровно десять дней назад. Госпожа Кира тогда заверила нас, что волноваться не о чем и она скоро снова навестит наш город. Поскольку того, что принесла она, недостаточно! Слишком, слишком мало!

Последнюю фразу флэмм почти прокричал, не сумев сдержать отчаяния. Да я и сам едва не завопил от этих невероятных, пугающих слов. Моя сестра по моей же милости уже месяц была Расколотой, и она никак не могла добраться сюда. Хотя мы ведь потеряли направление и не знали точно, как далеко мы сейчас от нашего города. Или бежавшие члены Ордена расположились где-то неподалеку? Но даже это не объясняло, зачем Кире понадобилось бывать здесь, что-то приносить и обещать вернуться. Сошла с ума?

– Кстати, позвольте вас поздравить, – подобострастно произнес флэмм.

– С чем же?

– Вы стали Соединившимся, господин. Это важное событие.

Здорово, что ни фраза, тем больше абсурда в происходящем!

Флэмм еще что-то говорил, но я не слышал ни слова из-за шума в ушах. Иола незаметно и весьма чувствительно ущипнула меня за руку: оказалось, флэмм теперь спрашивал о ней. Я с трудом пробормотал Иолино имя. Сочинять, кто она такая, не было сил. А хотя зачем церемониться с тем, кто целует твои ноги? Я снова напустил на себя отстраненный вид. К поставленным передо мной чашкой с чаем и плетеной корзиночке с угощением даже не прикоснулся – мне бы сейчас никакой кусок в горло не полез. Иола тоже больше прятала за чашкой лицо, чем пила. Пауза явно затягивалась.

– Но сегодня вы принесли то, в чем мы так нуждаемся? – спросил хозяин.

Я качнул головой:

– Нет, не в этот раз.

Что бы ему не было нужно, это едва ли сейчас лежало в наших с Иолой рюкзаках.

Кажется, никогда я еще не видел Древнего в таком глубоком отчаянии. Флэмм уронил руку с чайником – у него больше не было сил изображать гостеприимство – и истуканом замер посреди комнаты.

– Но когда же, господин? Мы ежедневно теряем близких, подвергаемся смертельной опасности.

– Скоро, – отмахнулся я как можно небрежнее, хотя жаль его было до ужаса. – Сегодня у нас другие дела в городе.

– Понимаю, – понурил голову флэмм. – Вы нуждаетесь в охране?

– Вот еще, – хмыкнул я, но после чувствительного тычка в бок живо поменял свое решение. – Хотя вот Иола впервые в этом месте, ей с охраной будет спокойнее.

– О, я бы и не посмел отпустить вас одних, в городе теперь совсем худо. Я немедленно отыщу кого-нибудь подходящего, хотя это не слишком легко: из тех, кто охранял госпожу Киру, ни один недотянул до сегодняшнего дня.

Флэмм проговорил все это на одном дыхании и слегка побледнел от собственной смелости: укор был очевиден. И шмыгнул за дверь, а мы с Иолой уставились друг на друга одинаково ошеломленными глазами.

– Ну и зачем нам охрана, по-твоему, если он знает, кто мы такие? – спросил я.

– А что это значит «недотянули», если всего-то десять дней прошло? – спросила она.

Ответов у нас не было.

– Почему Кира приходила сюда, что вообще с ней происходит? – почти простонал я.

– Понятия не имею. – Голос девочки звучал испуганно и вроде как жалобно. – Похоже, твоя сестра... ну...

– Ну что?!

– Возможно, этот мерзавец Гай все же подверг ее операции, – с отчаянной решимостью выдала Иола, тревожно ловя мой взгляд. – И она больше точно не Расколотая. Возможно, даже наоборот, Соединившаяся, как флэм и сказал.

– Но как... но с кем... атланты ведь на дороге не валяются, особенно которые без пары!

– Это мог быть Димка, – пробормотала себе под нос Иола, на этот раз пряча глаза.

Я похолодел и замер, раздавленный пониманием того, что так все и было на самом деле. Ну а как еще, я ведь и сам прежде об этом думал. Теплая ладошка Иоланты коснулась моего плеча, сначала совсем легонько. Потом я ощутил тычок посильнее и малость вышел из ступора.

– Алеша, не думай пока об этом, у нас есть всего лишь догадки. Давай сначала разберемся, что вообще тут творится.

Говоря это, она вытаскивала из наших рюкзаков плотно запечатанные мешки с запасной одеждой и обувью. Мы отвернулись друг от друга и переоделись. Когда я натягивал футболку, наткнулся ладонью на багровую ампулу и сказал:

– Да, нам надо разноухать все насчет этой штуки. Зря, что ли, она тут даже на домах нарисована? Я кожей чувствую, все на ней завязано. Но спрашивать напрямую нельзя – враз спалимся.

Иола что-то рассеянно промышала. Я снова перевел взгляд на портрет женщины и мальчика-флэмма.

– А вот интересно, где теперь жена и сын этого типа?

– Ты что? – напустилась на меня девочка. – Их нет в живых, разве не видишь?

– Как, прости, я могу это видеть?

Иола с тяжким вздохом приблизилась к портрету, стала на цыпочки и потыкала пальцем в свисающие с рамки небольшие веночки типа ловцов сна, только сплетенные из разноцветных перышек какой-то местной птицы.

– Вот это – траурные венки. Древние делают их не из цветов, а из перьев, ясно?

– Но это странно, – сказал я. – Древние ведь давно научились лечить все болезни, разве у них еще умирают молодые, тем более дети?

– Алешка, ты что, в самом деле ничего не понимаешь? Да, так у Древних, только у тех Древних. – Иола неопределенно потыкала куда-то рукой. – А мы сейчас вроде как на изнанке того Нижнего мира, на его теневой стороне. Здесь все иначе и всего можно ожидать...

– Ладно, главное, что у нас тут прочное положение, ноги целовать готовы, – подытожил я. – Сейчас пройдемся по городу, все осмотрим, заодно выясним, как еще можно выбраться на поверхность – вон как флэм удивился, что мы причапали по воде. А наверху уже будем все это обмозговывать...

В этот момент в беседку вернулся хозяин. Его сопровождали двое – биод и циклоп. Меня поразили недобрые, мрачные лица наших потенциальных охранников. Эти представители столь знакомых нам рас выглядели почти чудовищами, хорошо хоть, почтительно настроенными: оба проделали сложные манипуляции, приветствуя нас, после чего по земному склонились в низком поклоне. Оба держали наперевес вроде как железные палицы, биорд поменьше, а циклоп размером с кузов легковушки.

– Сюда мы сегодня уже не вернемся, – предупредил я хозяина, закидывая за спину рюкзак. Он ничего не ответил, только бросил на меня очередной умоляющий взгляд.

Глава пятая

Мольба

Пещера, в которой мы оказались, в целом здорово напоминала знакомые нам поселения Нижнего мира – в этом мы убедились, пройдя до ее центра, – и была достаточно велика. И, как в центре столицы высился дворец Великого Жреца, здесь в земляной свод упиралась вершиной башня с облицовкой из черного камня, при одном взгляде на который у меня заныла ступня.

От башни кругами разбегались привычные домики, однако почти каждый был обнесен широким рвом с подъемным мостиком со стороны дома, а в живых изгородях и на заборах поблескивали щедрые навороты колючей проволоки с бубенчиками. И народу на улицах было не слишком много, а те, кто был, двигались вроде как с оглядкой, тревожно зыря по сторонам. Заметив нас, отвешивали низкие поклоны, хотя я никогда еще не ощущал во взглядах, исподволь бросаемых на меня, столько пугливой ненависти.

Страж-циклоп следовал за нами по пятам, зловеще помахивая палицей, тогда как страж-биорд парил в воздухе почти над нашими головами, словно защищая от неведомой опасности сверху. Так они что, от местных жителей нас оберегали? Да что же такого гад Печерский натворил в этих землях?

Навстречу нам по искусно вымощенной мелкими плоскими камешками мостовой двигалась семья флэммов: муж и жена, оба еще совсем молодые, а между ними девочка лет шести, в красном платье. Она держала за руки обоих родителей, но не прыгала и не висла на них, как все дети на свете, а шла тихонько, опустив глаза на носочки своих забавных белых туфель с застежкой-бабочкой. Ей как будто нездоровилось. Не знаю почему, но я засмотрелся на малышку, даже замедлил шаг. Вот в тот момент все и началось.

Девочка сначала замерла, как будто ей в туфлю что-то попало и стало трудно идти. Затем вскинула голову, с шумом втянула в себя воздух, ее испуганный взгляд заметался по лицам родителей. Еще через мгновение тело ее неестественно изогнулось назад, так что золотистая макушка почти коснулась подошв туфель. Вывернувшись из рук взрослых, девочка рухнула на спину и забилась в конвульсиях, издавая жуткие горловые звуки, похожие на клекот. Застыв на месте, я смотрел, будто в кошмарном сне, как конечности малышки то вытягивались метра на два, то рывком сокращались, словно резиновые.

Родители, само собой, бросились на помощь дочери: упав рядом на колени, они крепко прижали ее тело к земле, не давая перевернуться на живот, чего та, по всей видимости, всеми силами добивалась.

Отец всем телом навалился дочке на ноги, но тут же вскинул голову, вглядываясь в лица прохожих, и хрипло, с полнейшей безнадежностью, произнес:

– Умоляю! Умоляю!

Однако никто не собирался им помогать: люди хватали собственных детей, в панике разбегались в разные стороны, заскакивали в дома, свои и чужие, так что минуту спустя единственными свидетелями остались лишь мы с Иолой да еще наши стражи.

Биорд спустился с небес и теперь стоял прямо перед нами, циклоп же, занеся руку с палицей над головой, мелкими шажками подбирался к группе на мостовой. Теперь по железному основанию его оружия, и без того грозного, паутиной струились электрические разряды.

Родители девочки тоже заметили его приближение и закрыли собой тело бьющейся малышки. Мать наклонилась особенно низко, и тут девочка, быстрым движением вскинув голову, впилась зубами в ее предплечье. Хлынула кровь, но женщина словно не замечала этого, не чувствовала боли и смотрела только на циклопа и его страшное оружие.

– Нет! Нет! – твердила она на общем языке. – Не надо, прошу!

Тут я вышел из ступора, потому что нужно было хоть что-то сделать. Прыгнув вперед, сначала отпихнул циклопа, а потом оттащил женщину и занял ее место, с силой вжав голову и плечи девочки в мостовую.

С удивлением осознал, что эта худенькая малышка была едва ли не так же сильна, как я сам. Даже непонятно, как отцу удавалось пока справляться с ней. Узкие косточки предплечий под моими ладонями растягивались и прогибались, словно резиновые, я боялся, что проткну пальцами насквозь ее лишенное костной опоры плечо. А флэмм опять заладил свое. Только теперь он, тяжело дыша, протягивал руку уже ко мне:

– Умоляю! Умоляю!

Сначала я не понял, о чем он просит: я ведь и так ему помогал. Попытался поймать его взгляд и спросить, в чем проблема, вот только все слова чужого языка куда-то разбежались. Но флэмм не смотрел мне в лицо, его глаза были прикованы к чему-то ниже. Я вдруг сообразил: он смотрит на ампулу, выпавшую из-за ворота моей футболки и теперь болтавшуюся на шнурке над самым лицом девочки. И та тоже следила за ней, словно завороченная, скалила окровавленный рот...

Я сорвал ампулу с шеи и вложил в чужую ладонь. Флэмм в один миг вытащил стеклянную крышку, прижал ампулу к губам дочери и влил в них багровую кипящую жидкость.

Поначалу девочка забилась и захрипела еще сильнее, но уже через полминуты ослабла, конечности перестали растягиваться, веки устало сомкнулись. Флэмм бережно поднял дочь на руки, прижал к себе, а затем перевел на меня глаза, в которых плескалось изумление пополам с благодарностью. Несколько человек, вынырнувших будто из ниоткуда – наверное, прятались за деревьями, – помогли подняться на ноги его жене. Флэмм двинулся прочь, сильно горбясь над своей бесценной ношей. Он не оглядывался, зато его жена, которую вели следом, постоянно бросала на меня взгляды через плечо и что-то кричала на языке флэммов.

Мы с Иолантой молча смотрели им вслед. А потом я понял, что с нас хватит, даже Иола на этот раз не посмеет со мной спорить, и рывкнул на наших охранников:

– Немедленно проводите нас к ближайшему выходу на поверхность!

Циклоп молча двинулся куда-то вбок, мы – за ним. Биорд снова взмыл в воздух. Скоро мы покинули главную площадь и долго шли по какому-то туннелю, неосвещенному и без привычных вагонеток. Наконец циклоп отворил люк в земляной стене и замер, почтительно склонив голову. Мы с Иолой шмыгнули туда с такой поспешностью, будто за нами гнались.

Этот проход оказался узким, непривычно низким, приходилось двигаться по нему, согнувшись чуть ли не пополам. Но и совсем заброшенным он не выглядел, за ним явно присматривали, держали в порядке. Где-то в глухом лесу, отвалив огромный маскировочный

валун, мы выбрались на поверхность, и я первым делом рухнул на траву. Никогда еще возвращение на поверхность земли не было таким облегчением.

Здесь уже совсем стемнело, ранние сумерки – единственное напоминание, что сейчас конец февраля. Иола углядела в траве неприметную узкую тропку, по которой мы скоро выбрались на трассу и увидели с высоты Пулковских высот сияющие огни Питера. Развернулись к ним спиной и спустя десять минут молчаливого бега – обсуждать увиденное мы пока не решались – уже были в нашем городке. И лишь тогда Иола произнесла первую фразу:

– Хорошо хоть, все нормально закончилось...

– Ты о семье флэммов? Надеюсь.

– Видел, что творилось с девочкой? С ее руками и ногами? Она словно превращалась в какого-то... спрута!

– И видел, и чувствовал. Кости были как живые, такие мягкие, тягучие.

– Я надеялась, что мне почудилось, – вздохнула Иоланта. – Это уже вообще никак не объяснить. А что кричала та флэммка, ты понял?

– Благодарила, наверное? – предположил я.

– Ага, в первой фразе. А потом повторяла на разные лады, типа это все равно случится, если мы не принесем им эликсир.

– Эликсир? Понятно, значит, все дело в этой штуковине, как я и думал... Но вот интересно, с какой стати ампулы доставляли им пажисты, если Древние давно знают про эти штуки, даже воевали из-за них?

– Меня спрашиваешь? – хмыкнула Иола.

– Главное, при чем тут Кира? Пойдем сразу к Великому? Наверняка он еще не спит.

Мы как раз пробежали мимо нашей погруженной в темноту школы, и я поймал Иолу за руку, чтобы развернуть к беседке Тир-Убреля. Секундой позже Иола стряхнула мою ладонь с такой поспешностью, словно это был скорпион или еще нечто более мерзкое.

– Прости, – пробормотал я. – Я просто хотел...

– К Жрецу мы не пойдем! – перебила меня Иола. – Дождемся, когда вернется Эрик Ильич, и все ему расскажем.

– Но почему, Иол? Ведь ты именно Жрецу обещала разведать ситуацию, хотя, я считаю, он не имел права просить тебя о таком?! Наверняка он сможет нам хоть что-то объяснить, ведь про ампулу знал даже Притыкрырк, мало чего, но знал!

В тот миг я отдал бы половину своих атлантских способностей, лишь бы получить хоть какие-то ответы. Но только Иола уже все решила.

– Я бы рассказала ему, не будь ты замешан в это дело, – заявила она. – Конечно, он что-то знает и наверняка захочет разобраться с тем поселением, ведь это его народ.

– Так это же хорошо...

– Ага, и станет использовать тебя так же запросто, как использует тело Данко. Захочет воспользоваться по полной тем, что тамошние Древние тебя знают... то есть это они так думают. Нет уж, первым эту историю услышит тот, кому на тебя не наплевать.

– Ладно, пошли в лагерь! – решил я.

Хотя вообще-то планировал провести эту ночь в засаде у родительского дома, постеречь Киру. Но сейчас я больше всего на свете, как простой смертный, мечтал о горячем душе и еще более горячей чашке сладчайшего чая. К тому же Иола наверняка увязалась бы за мной, а уж она точно нуждалась в отдыхе. Когда в узкой подворотне одного из домов мы столкнулись плечами, я ощутил, как сильно она дрожит, и спросил:

– Эй, ты замерзла, что ли?

– Да, есть немножко, – пробормотала девочка, обхватывая себя руками, словно я открыл ей глаза на ее же проблеме.

– Иола, вообще-то я пытался пошутить. Ты не можешь замерзнуть!

– Что? А, ну это на нервной почве, наверное. Как вспомню ту малышку...
Больше до самого лагеря она не произнесла ни слова.

В этот поздний час на поляне никого не оказалось, наверняка дневная смена в своих комнатах готовилась ко сну. Первым делом я залез в душевую кабинку и долго стоял, бессильно опираясь плечом о стену, – да, этот поход меня едва не доконал. Потом натянул на себя чистые шмотки и вернулся на поляну, как и было условлено.

Там на столе меня ждала чашка с заваркой, пышущий паром чайник и тарелка обжигającego мясного рагу, разогретого в тлеющей печи. Рагу я заглотил в один присест, с чаем сидел дольше, ожидая, что Иола вот-вот присоединится ко мне. Но она так и не появилась, и я заволновался. Допив чай, подошел к двери ее комнаты, пару раз постучал – никакого ответа. Тогда я рискнул приоткрыть дверь и глянуть в щель.

У кровати горел напольный торшер, а сама Иоланта спала, поджав колени к груди и натянув покрывало до самого носа. Влажные волосы разметались по подушке, на полу грудой лежали сброшенные вещи и поверх них – мокрое полотенце. Все ясно: прилегла буквально на секунду, даже не расстелив постель, и сразу отключилась.

Нужно было уходить, а я все стоял и смотрел на Иолу, ощущая в душе что-то непривычное и оттого очень тревожное. Какую-то... нежность, что ли? И тут же я заставил себя убраться подальше от чужой двери. Отправился к себе и очень скоро провалился в такой же беспробудный сон.

Проснулся, конечно, поздно. Дверь в комнату, которую я по старой привычке плотно закрыл (в детстве мне вечно казалось, что Кира шастает по ночам в мои владения), теперь оказалась приоткрытой: должно быть, хотели разбудить меня к началу уроков, но дело кончилось провалом, само собой. Вставать не хотелось, и для очистки совести я еще в постели провел сеанс самовнушения, то есть строго-настрого сказал себе, что с этого дня все мои усилия должны быть посвящены поискам сестры, Таси и Ивана, Димки. На школу пока придется забить, хотя в кои-то веки там стало интересно. И уж точно перестать думать о Зиночке, искать ее общества, это просто мерзко в сложившейся-то ситуации.

После этого я вскочил, в темпе оделся и покинул лагерь без завтрака – и все потому, что именно Зиночку я первым делом увидел у печи. Но не проблема, теперь благодаря Древним перекусить можно на любом углу.

Я помчался в сторону дома: хотелось убедиться, что с родителями все нормально, отец не пробежал снова всю ночь напролет в поисках Киры, проверить, не вернулись ли Тася с Ваней. И затормозил с интенсивностью внедорожника, заметив очередное новшество.

Улица, которую я обычно перебежал по пути от дома в школу и обратно, словно по волшебству превратилась в канал с прозрачной водой и переброшенными через каждые двадцать метров деревянными мостиками. Вдоль канала тянулись замысловатые цветочные клумбы со всякими там горками, фонтанчиками и каменными фигурками. Это было красиво, я даже постоял немного на одном таком мосту, свесившись через перила и разглядывая играющих в воде разноцветных рыбок.

А потом внизу неспешно проплыл моргол с целым букетом буро-изумрудных водорослей под мышкой, которые он аккуратными рядами рассаживал на дне. Заметив мою тень, вскинул голову, кувыркнулся в воде – не иначе как моргольское приветствие. Разомкнул жутковатые черные губы, и вверх резво устремилась цепочка пузырьков. Я припомнил, что так они общаются, но лишь виновато развел руками – мол, не понимаю, простите – и продолжил путь.

Народу на улице было еще совсем мало, только навстречу мне двигалась женщина-лотка с целой толпой разнорасовых детишек, в изумлении вертящих головами, таращивших глазенки – похоже, малышей вели на первую в их жизни экскурсию по поверхности земли.

Один так загляделся на встающий из-за леса солнечный диск, что споткнулся и упал, а какая-то девушка в летнем платье без рукавов, вынырнув из-за угла детского сада, едва об него не споткнулась. Она в одно движение поставила мальчишку на ноги и зашагала дальше, не слушая благодарностей воспитательницы. Скорее всего, просто их не понимала. Толпа детишек схлынула, мы с девушкой двигались в одном направлении. Когда же она свернула в наш двор, я догадался присмотреться внимательней. И у меня чуть не выскочило сердце: это была Кира!

Несколько мгновений я еще сомневался: походка сестры как-то изменилась, и голову она теперь держала непривычно высоко поднятой, шла словно по подиуму. Встречаются же люди невероятно похожие! Но когда она огибала детскую площадку, увидел лицо – сомнений не осталось. Выглядела Кирка какой-то нарочито спокойной, губы, как прежде, не грызла – и все-таки это была она!

Я резко попятился, нырнул за угол соседнего дома, сердце сквозь пятки едва не до асфальта провалилось. Если Кира меня увидит... даже невозможно вообразить, что тогда произойдет, но точно что-то ужасное. Досчитал до десяти и снова выглянул на долю секунды. Сестра в этот миг легко избегала по ступенькам небольшого магазинчика на углу нашего дома, где от хлебозавода торговали свежей выпечкой и сладостями.

Я постарался собраться с мыслями. Совершенно ясно, что Кира не была Расколотой: такие на ногах едва стоят, а не носятся по подземельям и по улицам. К тому же на Кире слишком легкое платье, а ведь погода все еще ранневесенняя. Значит, атлантка. Вот Соединившаяся ли – тут гадать бесполезно, пока не увидишь в деле – не поймешь.

Пока я размышлял, сестра выпорхнула из магазина, неся коробочку с белоснежно-кремовым тортом, который так любит наша мама. И тут только до меня дошло: да ведь она собирается домой! Ну точно, вот повернула от магазина к нашему подъезду, у дорожки между палисадниками остановилась, закинула голову, посмотрела на окна. И без колебаний скрылась за дверью парадного.

Сердце мое глухо и часто колотилось о ребра. Как же хотелось побежать следом, присоединиться к сестре! Но это было невозможно. И как повезло, что я не отправился к родителям чуточку раньше, вот это была бы встреча! Кроме того, я испытывал какую-то глухую тревогу – после нашего подземного путешествия в то странное место я не понимал, что происходит с Кирой, в какие игры она играет. Конечно, родителям зла не причинит, но все же...

Мелькнула мысль немедленно отыскать Иолу (она наверняка в школе) и попросить зайти к нам на разведку под видом еще одного «друга Алеши». Хотя нет, Иола слишком прямолинейна, может спросить что-нибудь такое, что насторожит Киру.

Но обсудить с ней ситуацию все же следовало, и я отправился в сторону школы. Наверное, сегодня был тот редкий день в году, когда ноги сами несли меня в нужном направлении: я сначала пошел в обход школы на наш стадион. Еще издали увидел бороздящего воздух Гар-Гука с очередным пассажиром на спине. Дракончик так и сиял на солнце, закладывал виражи в воздухе, а счастливый хозяин, закинув голову, не сводил с любимца глаз. Я на ходу загляделся на них и врезался в Иолу.

– Привет! – обрадовался я. – Как ты?

– Отлично. – Вид у девочки был свежий, но загруженный.

– Не мерзнешь больше?

– Не говори ерунды, – наморщила нос Иоланта. – Я в полном порядке. И, кстати, встала утром сама. А кого-то невозможно было разбудить, даже у Зиночки не вышло.

Я почувствовал, как мои щеки и шея разгораются ярче драконьей чешуи, и взвился:

– Атлантам что, правила приличия не писаны?! Мне баррикады у дверей на ночь строить?

– Ладно, не переживай, – хмыкнула Иола. – Я пошутила. Только Марк к тебе заходил, аж три раза, но ты даже глаз не открыл.

– Ладно, проехали. Что удалось вытянуть из Тер-Андроя?

– Немного, – вздохнула девочка. – В общем, про существование ампул он в курсе, еще в школе рассказывали, так что помнит он про них не больше циклопа. Но кое-что мне разъяснил, я этого не знала...

– Давай выкладывай!

Иола покосилась на меня возмущенно, потом все же продолжила:

– В общем, в мире Древних ученые образуют вроде как отдельное сообщество, особую касту. Живут все вместе в уединенных местах рядом с полигонами для испытаний. Как народ возглавляет Великий Жрец, так и у них есть глава – Великий Магистр. Именно он курирует все научные направления, докладывает о результатах Жрецу, сообщает, какие ученые особо отличились и достойны награды. В общем, пару сотен лет назад было сделано одно открытие. В чем его суть, обычные Древние теперь уже не помнят, а в учебниках сказано примерно следующее: хотя на первый взгляд это изобретение и воплощало вековые чаяния всех разумных существ в мире, Великий Жрец сразу понял, насколько оно опасно и губительно, и запретил все дальнейшие опыты. С тех пор все исследования в данном направлении под строжайшим запретом, а за хранение пробирки с эликсиром реально могли сослать в Черные Пещеры. Больше наш биорд ничего не знает, и его девушка тоже.

– Ну хоть что-то, – пробормотал я. – Допустим, сторонники открытия не захотели так легко от него отказаться, поселились отдельно и все такое... Но при чем тут Печерский и вообще Орден пажа?!

Девочка передернула плечами.

– Слушай, Кирка же вернулась! – вдруг вспомнил я.

– Что?! – Иола так и подпрыгнула на месте. – Когда?! Куда?!

– К родителям. Я хотел навестить их с утра и увидел ее на подходе к дому. Купила тортик – и вперед.

– Она тебя видела?!

– Успел спрятаться.

– Может, мне сходить, поговорить с ней?

Я решительно замотал головой:

– Если она в чем-то замешана, то не расколется, уж я Кир ку знаю.

– Да не собираюсь я колоть ее прямо с порога. Просто спрошу, что произошло, и выслушаю ее версию.

– Не станет она тебе ничего объяснять, – отмахнулся я.

– Да, ты прав. – Похоже, мысли Иолы в один миг сменили вектор. – Гораздо правильной будет за ней проследить. Так мы можем узнать, где обосновались пажисты, а значит, и наши ребята. И уж точно узнаем, кто теперь ее пара!

Во рту стало кисло – следить за сестрой не хотелось. И страшно было узнать, кто теперь ее пара и что еще с ней сотворили эти гады. А вот ребят найти хотелось. Иола словно угадала мои сомнения, даже за руку схватила, волнуясь:

– Нет, о тебе речи не идет, тебе и появляться в городе пока не стоит. И мне лучше не участвовать, все же Кира меня видела. Я подумываю поговорить с нашими ребятами, они точно не откажут, что думаешь?

– Наверное, стоит поговорить, – кивнул я довольно вяло.

– Ну, заматано, вечером с ними все обсудим! А пока чем займемся?

Вопрос застал меня несколько врасплох, поскольку явно предполагал совместные занятия. Но тут же в голову стукнуло подходящее решение:

– Слушай, мы вчера к Шакракумору еще планировали забежать, но не получилось. Что насчет сегодня?

– Отличный вариант! – по интонации я легко догадался, что Иола это и имела в виду, просто позволила мне предложить первым. – В Черных Пещерах могут ведь и побольше знать

об этой дряни на шнурочке! Ну, раз туда ссылали тех, кто осмеливался ее где-то там нарисовать.

– Ясное дело! – наконец во мне слабо шевельнулся энтузиазм. – Двинули!

Глава шестая

Победитель дракона

Проходов в Нижний мир с поверхности земли теперь было предостаточно, даже в лагерь возвращаться не пришлось. В лесу мы быстро обнаружили такой – широкий, комфортный, с уже проложенными по широкому пандусу рельсами. Многочисленное семейство лоттов как раз перебиралось в вагонетке наверх, так что мы просто сбежали вниз наперегонки (я поддался). И через пять минут уже были в Черных Пещерах.

Шакракумор приветствовал нас радостно, помахал в воздухе блюдом со своими фирменными лепешками: он как раз накрывал стол под деревьями, а малыш Энерир и его питомец двумя торпедами носились по двору. Скоро стало ясно, что серьезного разговора в ближайшие часы не получится, поскольку назревало большое событие: ежегодная ярмарка, на которой помимо всего прочего проводилось состязание юных дракончиков. И сегодня Чак-Кунак, уже заимевший на спине первые нежно-зеленые чешуйки, впервые должен был показать, на что способен.

К сожалению, дебютант именно в такой важный день был сильно не в духе, поскольку всю ночь перерывался с красным соседом через дорогу, выяснял отношения. И теперь опрометью удирал от хозяина, не давая надеть на себя специальную упряжь и жетон с номером участника. А может, попросту трусил. Я после вчерашнего был не слишком расположен к громким воплям, поэтому просто схватил его за шкурку и держал визжащую тушку на весу, пока Энерир проделывал все необходимое. После этого нам все же удалось спокойно позавтракать.

– Молодцы, что пришли. – По лицу хозяина было видно, что это не просто слова – он так и лучился от удовольствия. – Я уж боялся, что не появитесь больше.

– С чего это вдруг? – нахмурилась Иола.

– Ну, теперь этот дом, возможно, связан с не самыми лучшими воспоминаниями, – деликатно подметил флэмм.

В чем-то он был прав: я точно не хотел оказаться в комнате, где провалился столько времени, борясь с болью и слабостью, а больше всего – с ужасными мыслями.

– И потом, наверно сейчас гораздо интересней, чем в нашем обособленном мирке. Недавно мы с внуком выбрались на небольшую прогулку, и она затянулась на целый день. Столько всего потрясающего! Энерир теперь просто бредит Верхним миром!

И кивнул на стену комнаты, густо увешанную детскими рисунками, так похожими на первые художественные опыты всех детей на свете: солнышко, облака, штришки высоко летящих птиц. Но для малыша Энерира это были первые впечатления о настоящем мире.

– Так перебирайтесь наверх! – обрадовался я. – Поселитесь рядом с нашим лагерем, вот классно будет! Мы все поможем вам с переездом!

– Поглядим, не все так сразу, – уклончиво отозвался флэмм, мигом сникая и отворачивая лицо.

«Племянница, в ней все дело, – догадался я. – Бедняга Шакракумор и хочет изолировать от нее малыша, и боится совсем потерять из виду, все же родная кровь».

Но чуткая – временами! – Иола усмотрела в замешательстве нашего доброго хозяина еще что-то.

– Шакракумор, вам не очень понравилось наверху?

– Ну что ты, милая, как можно: земля прекрасна, а на настоящее небо я хотел бы любоваться бесконечно, – покачал седой головой флэмм. – Но мне было грустно видеть, во что превратились люди, подвергшись излучению. В своих мечтах я представлял, что все будет как-то гуманней, что ли.

Я мысленно с ним согласился, моментально вспомнив маму. Но Иоланта тут же возразила горячо и не слишком-то вежливо:

– Шакракумор, вы просто мало что знаете о людях... то есть о том, какие они, когда в нормальном виде. У нас были страшные войны, с миллионами жертв, можете себе вообразить?! Да даже без войн они ухитряются творить друг с другом ужасные вещи!

– Я понимаю, – не стал вступать в спор хозяин. – И принимаю необходимость случившегося: это ведь тоже война, мы отстаивали свое древнее право жить на поверхности земли. Но мне грустно при мысли, что Энерир будет видеть наших братьев такими...

Тут он поспешил на зов внука, которому понадобилась срочная помощь с питомцем: тот исхитрился поджечь свой поводок. Я же напустился на Иолу:

– Ты так рассуждаешь, потому что твои родители далеко! А что бы ты запела, превратись они в этих биороботов? Тебе бы это понравилось, а?

– Нет, – отрезала Иола. – Хотя это вполне может случиться: мать и отец волнуются из-за того, что тут происходит нечто странное. Хотят взять отпуск и приехать на пару дней. Но ты же понимаешь: отсюда они уже не уедут. Я просто измучилась их отговаривать по телефону. И все-таки согласись, что в целом...

Она что-то доказывала, а я смотрел в окно, откуда хорошо просматривался холм, на котором находилась Пещера Ложных Воспоминаний. И вдруг я понял, что ни разу не задал Иоле совершенно очевидного вопроса. Наверное, слишком боялся узнать ответ. Но чтобы прекратить ее тарыхтение, сгодится:

– Иола, а где мое тело?

– Что?.. – Девочка отшатнулась и побелела. – Ты о чем?

– Здравсте, о чем! Я... настоящий я ведь не испарился, когда ты проделала эту фишку с браслетом! И что с ним, то есть со мной, стало? Если похоронили, так нужно хоть могилку навестить... как-нибудь.

Иоланта взирала на меня с таким ужасом, что я засомневался: не сошел ли с ума? И даже покосился украдкой на кисти рук, чтобы убедиться, что они – чужие. Тут Иола судорожно сглотнула и произнесла убитым голосом:

– Алеша, я не знаю.

– Что?!

– Ну, я же первым делом отнесла тебя к Шакракумору, чтобы оказать помощь. Рассказала ему обо всем. Потом хотела сходить... а он не позволил, сказал, сам все сделает. А вернулся

очень нескоро, сказал, что ничего рядом с Пещерой не обнаружил. А потом Древние захватили Верхний мир, и такое началось...

– Ясно, – подытожил я. – Значит, мое мертвое тело куда-то наострило ноги, а никому до этого нет дела. Могла бы и раньше предупредить.

– Алеш, прости! Мне страшно было даже думать об этом!

– Ладно, проехали.

Тут вернулся Шакракумор с новым подносом восхитительных лепешек с брынзой и зеленью, и я сделал вид, что увлекся едой.

За обедом разговор крутился только вокруг ярмарки, состязания драконов-новичков и шансов Чак-Кунака на один из трех призов, который обеспечил бы ему с десятков тренировок у лучших наездников Черных Пещер. Малышу Энериру, несмотря на все старания деда, даже кусок лепешки не попал в рот – так он переживал. А за забором с каждой минутой нарастал шум – шаги, голоса, хлопанье крыльев, рыканье драконят... Жители деревни дружно спешили в направлении Турнирного поля. Наконец, наскоро влив в себя чай, мы присоединились к толпе.

Шакракумор с внуком и Чак-Кунаком на поводке проводили нас до ярмарочной площади, забитой народом так, что ногу некуда было поставить. Флэмм сказал:

– Ну, мы отправляемся напрямик на поле, пусть малыш оглядится и пообвыкнется. А вам, ребята, стоит посмотреть саму ярмарку – зрелище живописное, уверяю! Найдете нас, когда прозвучит сигнал к началу состязаний.

Мы охотно согласились: глаза и так уже цеплялись за всякие диковинные и непривычные для нашего мира вещицы.

Для проведения ярмарки было задействовано пространство вокруг турнирного поля и пара пустующих ангаров. И чего тут только не было! На каменных тумбах, которые во время Турнира служили защитой от драконьего пламени, сейчас выступали артисты, кто-то распевал во все горло, кто-то показывал фокусы или танцевал – для каждого находилась своя публика. На деревянных и каменных прилавках громоздились товары: не виданные мной овощи и фрукты, зелья и мази, напитки в каменных амфорах, статуэтки из камня, раковин, дерева.

Торговля шла без денег, о которых Древние и слыхом не слыхивали. Одни бойко обменивали свой товар, закрепляя сделку церемонными поклонами и чашами с шипучим напитком, который здесь лился рекой. Другие, сговорившись о цене, подзывали к себе ближайшего дежурного тубабота, сидящего на высоченной табуретке с приставной лесенкой. Покупатель сообщал, сколько у него часов за общественные работы и сколько он готов отдать за приглянувшийся товар, тубабот кивал головой-валиком – и покупка была совершена.

Мы с Иолой медленно двигались вокруг поля. Я приглядывался ко всяким штукам по уходу за драконами, Иолу больше интересовали удивительные летящие ткани и древнейшие камни с отпечатками лап, крыльев и прочих частей тела неведомых существ. Постепенно мы переместились на другую сторону, которую я в прошлый раз толком и не разглядел. Здесь больше всего места занимало озеро в форме сильно растянутого овала – наверняка отсюда во времена Турниров игру смотрели морголы. Их и сейчас тут было предостаточно: они торговали, разложив свои товары прямо на берегу и оставаясь по плечи в воде. На влажном песке кучами громоздились украшения и всякие хозяйственные приспособления из кораллов и янтаря, одежда из водорослей, свежая рыба...

Вдруг Иола дернулась, ахнула, замерла на месте. Я завертел головой, ожидая увидеть кого угодно, даже приора Гая, засевшего в озере под видом моргола. Но, признаюсь, то, что я увидел, превзошло все мои фантазии во сто крат!

На небольшом пяточке травы между озером и табуретом дежурного тубабота сидела, сложив ноги по-турецки, Тася. Вокруг нее были разложены причудливые фигурки различных обитателей Нижнего мира, сделанные из ракушек, драгоценных камней, кораллов, и Тася заботливо перебирала их быстрыми движениями рук, выставляла на первый план самые симпатичные. В полуметре от нее Ванька опустил в воду ноги по колено и знаками, активно, словно с закадычным другом, объяснялся с торчащим по пояс из озера склизким морголом.

В тот миг я точно ополоумел, напрочь забыл, почему мне нельзя показываться ребятам на глаза, и рванул вперед. Рука Иолы цапнула было меня за плечо, но соскользнула, и через секунду я, едва не раздавив товар, подскочил к друзьям, громко вопя:

– Тася! Иван! Вы здесь!

Девочка охнула, смертельно побелела, фигурка биорда с распростертыми крыльями покатилась по траве. И одновременно Иван с закатанными штанинами возник между мной и сестрой. Набывчившись, он сверлил меня глазами с такой ненавистью, что я отшатнулся. И только тут до меня дошло, кого они видят перед собой и как я в очередной раз облажался.

– Только тронь ее, козел! – рявкнул мне в лицо Разин. – А ну, проваливай!

– Ваня! Стой!

Это Иола крикнула. Ванька с трудом перевел на нее взгляд, застыл с открытым ртом, руки со сжатыми кулачищами опустились вдоль тела. Потом выпалил:

– Иолка, не понял, ты с ним, что ли? Он тебя заставляет?..

– Вань, нет. Сейчас все объясню, – чутьчку задыхаясь, заговорила Иола. – В общем, это – Леша.

– Что?!

Но Иоланта тараторила как заводная, излагая подробно всю историю и не давая себя перебить. А я смотрел только на Тасю, выглядывающую из-за плеча брата. И видел, как ужас в ее округлившись глазах постепенно сменяется изумлением, потом – несмелой радостью.

Иола дернула меня за руку, возвращая к реальности:

– Эй, сосредоточься, сейчас Иван задаст тебе пару вопросов для подтверждения моей истории.

Я с трудом переключился на ошарашенного Разина, спросил:

– Ну, хочешь, расскажу в деталях, как мы познакомились?

– Не надо, – прохрипел в ответ Ванька. – Иолка врать не станет, так что все в порядке. Но выглядишь ты крипово, друг.

– Да в курсе! Сами вы откуда здесь образовались? Мы уже головы сломали, где вас искать! Боялись, что эти гады вас с собой утащили, если не еще хуже!

Ванька, все еще косясь на меня, уселся на траву, потянул Тасю за руку вниз. Мы поняли это как приглашение к серьезному разговору и тоже устроились напротив. Про себя я отметил, что с Тасей Иван общается совсем не так, как прежде: поглядывает на сестру с трогательной тревогой, не выпускает ее руку из своей огромной ладони.

– Сбежали мы, – сообщил мой друг. – В тот день Гай приказал мне явиться в лабораторию и Таську привести, иначе... Даже сам за ней явился. Сначала мы вместе были...

– Мы видели вас в лаборатории, – вставил я.

– Ну да. А потом нас разделили. Таську утащили куда-то, я не смог им помешать. – Ванька с трудом сглотнул, должно быть, до сих пор переживал. – Всю ночь я не знал, где она. Понимал, что творится что-то странное, слышал топот, крики. Потом один парень из Ордена зашел в лабораторию, я его скрутил и бросился искать Таську. Нашел в другой лаборатории, она была под наркозом, не просыпалась. Видно, хотели с ней что-то сотворить, да не успели. А по коридорам все метались, собирали вещички, черт знает что происходило. Я схватил Таську на руки и побежал, увидел какие-то порушенные стены, за ними – старые туннели, там и спрятались.

– Это Иола порушила, – уточнил я, а девочка пнула меня в лодыжку и шикнула.

– Ну вот, там мы и отсиживались, пока все не стихло. И Тася немного не пришла в норму. Потом стали искать выход в Черные Пещеры или хоть куда-нибудь. Проход был, но только через Пещеру Ложных Воспоминаний, мы, понятно, никак не могли им воспользоваться. Я даже сходил на разведку в пещеру Печерского, сумел подняться по туннелю, который ведет почти к нашему дому, но он был забит камнями. А пока я ходил, Тася сумела отыскать проход в Черные Пещеры, совсем свежий, похоже, из-за обвала образовался. Вышли в соседней пещере, семья лоттов приютила нас. От них мы узнали, что происходит на поверхности земли... А сегодня вот прибыли на ярмарку соседям нашим помочь. – Ванька кивнул на моргола, который, по шею погружившись в воду, с детским интересом в глазах-провалах прислушивался к нашей беседе.

– А чего ж вы на поверхность не выбрались? – спросил я.

Еще один тычок от Иолы. А Ванька уперся в меня сердитым взглядом:

– Сам не понимаешь? Мы ведь не атланты и не Древние, враз превратились бы в дуриков. Нет, я таким уже был, спасибо.

– На самом деле мы выбирались несколько раз, – тихим и каким-то бестелесным голосом вступила в разговор Тася. – Поодиночке, чтобы наверняка вернуться. Повидали родителей, заверили их, что с нами все хорошо.

– Да, я тоже их видел, – кивнул я. – Они... в хорошем состоянии.

Иван звучно хмыкнул:

– Имеешь в виду, что не бухают теперь? Это да. Вот только разницы я не заметил. Хотя нет. Стало хуже.

– Ваня, а про приора Гая и его свиту вы что-нибудь знаете? – спешно сменила тему Иола.

– Они покинули пещеру, – ответил Разин. – Наверное, сразу после того как Древние захватили наш мир. Ну, или спрятались где-то, потому что я никого из них там не встретил. Хотя долго там бродил, искал еды какой-нибудь, но они двери все опечатали. Вы тоже про них ничего не слышали?

Иола помотала головой:

– Нет. Но сегодня домой вернулась Кира! Просто день встреч какой-то!

– Кира? – дернулся, потемнел лицом Иван. – Разве она не...

– Расколота? – помог я. – Похоже, нет. Мы не можем пока понять, что с ней произошло, возможно, она теперь пара с Димкой.

– Ч-черт. – Кулаки Ивана снова сжались. – Надеюсь, Кирка тебя не видела?

– Нет, я первой ее заметил, успел спрятаться.

Так мы перебрасывались фразами, а я все больше ощущал какую-то пустоту в душе. Не так мы должны были встретиться после того, как почти потеряли друг друга. Меня убивало, что Тася в разговоре не участвовала и почти не поднимала глаз, наверное, чтобы лишний раз не наткнуться на меня взглядом. Это можно понять, конечно, после всех злодейств Печерского. Но неужели девочкам настолько важна внешность и теперь я для нее совсем чужой?

– Перебирайтесь пока к Шакракумору, ладно? – перешла тем временем к рекомендациям Иолы. – А мы с Лешей раздобудем вам средство, которое защитит от излучения.

– Такое существует? – удивился Иван.

– Конечно! Мы завтра утром вернемся с ним, и тогда вы сможете подняться наверх. И поселиться в нашем лагере или дома, как захотите.

В этот момент тягучий, все перекрывающий звук пронесся над пространством ярмарки, заставив меня вздрогнуть. Толпа моментально пришла в еще большее движение, шум возрос в разы. Моргол, наблюдавший за нами, от этого звука вышел из ступора, по коленки вылетел из воды, потом грузно плюхнулся обратно и щедро окатил нас всех водой.

– Ага, начинается соревнование юных драконят, – сказал Иван. – Пойдете?

– Да, мы обещали поддержать внука Шакракумора, ну, то есть его питомца, – ответил я. – Вы с нами?

– Кто-то должен остаться с товаром...

– Я побуду здесь, а вы все отправляйтесь, – немедленно и с явным облегчением отозвалась Тася. – Я не помешана на драконах, как некоторые.

– Лады! – Иван с таким энтузиазмом вскочил на ноги, что стало ясно, на кого намекала Тася. – Скажешь ему?

Тася кивнула, вытащила из кучи товаров длинную деревянную трубку диаметром в пару сантиметров, опустила на корточки у самой воды и, погрузив кончик в воду, начала в него легонько дуть. Моргол внимательно вгляделся в пузырьки, потом вдруг невероятно оживился, снова взлетел над водой, снова плюхнулся и быстро заскользил прочь.

– Поплыл занимать место получше, – пояснил Ванька.

– Знаешь их язык? – каким-то особенным голосом спросила Иола.

Тася зажато кивнула, не поднимая глаз, будто ее уличили в чем-то дурном:

– Пришлось выучить. Там, где мы с Ваней жили, – озерный край, морголы в большинстве, не все даже говорят на общем. Ты тоже его знаешь?

Иола закатила глаза:

– Чисто теоретически. Не уверена, понял бы меня хоть один моргол.

– О, когда вернемся, сможешь потренироваться с нашим соседом, уверен, у тебя живо все пойдет на лад, – оживился Иван, не отрывая от Иолы откровенно влюбленного взгляда, как и всегда, впрочем.

Я почувствовал себя совершенно лишним.

Ради соревнования юных дракончиков турнирное поле было превращено в полосу препятствий. Иван еще по дороге туда – а двигались мы медленно из-за толпы – в деталях объяснил, как будет проходить состязание. Драконят выпустят на одном конце поля, тогда как хозяева будут стоять – и всячески поддерживать и подманивать их – на другом. Испытуемые должны преодолеть различные трудности: переплыть ров (драконы, как оказалось, воды боятся не меньше наших кошек), перепрыгнуть с десятков барьеров, прожечь дыру в высоченном деревянном заборе, пройти подземные лабиринты. И все это – с плотно завязанными глазами, ориентируясь только на свой нюх и зов хозяина.

Было и еще кое-что: когда мы все же пробились к полю, чуть в сторонке от него я увидел огромного красного дракона на толстой цепи. Хотя поле еще пустовало, дракон бесновался, непрерывно издавал жуткое рычание, рыл задними лапами землю и обстреливал поле огненными сгустками размерами с футбольный мяч из обеих пастей.

– Чего это он с ума сходит? – удивилась Иола.

– Драконы-самцы на дух не переносят молодняк, – с готовностью разъяснил Ванька. – Ну, понятное дело, видят в них своих потенциальных соперников. Хотя у них тут драконов на произвол судьбы никто не бросает, но для турниров иногда заводят юных, а для стариков это сущий кошмар! Самки – совсем другое дело, они ведь не участвуют в турнирах. Так что далеко не каждый дракончик решится пройти мимо такого громилы, к тому же не видя его. Даже не знаю, будь я драконом, набрался бы мужества или сплоховал?

– Ты? – Иола вскинула на него широко распахнутые глаза. – Нет, ты бы справился, я уверена.

Я ускорил шаг и первым оказался рядом с нашим флэммом и его взволнованным до трясучки внуком. Все приготовления уже были закончены: озадаченный малыш Чак-Кунак выглядел довольно смешно в металлическом комбинезончике на манер рыцарских доспехов – на случай прямого попадания от старшего собрата. Железный намордник, на загривке закреп-

лен номер – зеленая цифра 8. Энерир также был полностью экипирован и, опустившись перед другом на колени, без конца что-то шептал ему в ушное отверстие и время от времени насвистывал простой мотивчик – на этот посвист должен был вслепую двигаться дракоша. Иола тем временем коротко рассказывала Шакракумору о нашей встрече с друзьями.

Зрители тоже были готовы: уже знакомый мне склон горы был забит Древними, с другой стороны из озера кучно, как капуста на грядке, торчали ужасные головы морголов. Наконец один из биордов в серебристых доспехах, оставляющих крылья свободными, ракетой взлетел над полем, завис над его центром и протрубил в серебряный рог. По этому сигналу хозяева всех рас и возрастов бросились на противоположный край поля, пока их помощники удерживали уже здорово напуганных, трясущихся от возбуждения драконят. Еще минут пять ушло на выстраивание. А потом звук повторился двоекратно, и состязание началось.

Лично я упустил тот миг, когда Шакракумор, державший питомца за ошейник, убрал руку и дракончик стрелой понесся по полю.

– Хорошо бежит, – удовлетворенно произнес флэмм, привставая на цыпочки и измеряя взглядом пространство. – Вот поэтому у дракона и должен быть один главный хозяин, к которому он помчится через все преграды, – пояснил он для нас.

Чак-Кунак и в самом деле выкладывался по полной: он первым нырнул – точнее, просто на бегу свалился – в озеро и быстро заработал лапами, совсем как щенок, торопясь выбраться на сушу. Крылья и голову ему приходилось держать высоко, чтобы не намокли и не потеряли функциональность. Несколько малышей сошли с дистанции: попав в воду, они с пронзительными воплями выбрались обратно на берег и ни за что не желали продолжать забег, как ни надрывались их хозяева.

С барьерами Чак-Кунак тоже управился на отлично, хотя прыгать с завязанными глазами наверняка то еще удовольствие. А уж дыру в заборе, когда понял, что иначе его не одолеть, и вовсе прожег с явным удовольствием. Наконец он достиг той части поля, где начинались подземные лабиринты – путь поверху преграждала полоса острых колышков. Чак-Кунак попробовал их лапкой, убедился, что сверху не пройти, и нырнул под землю. На этот момент он был первым, и Шакракумор за нашими спинами просто лучился от гордости.

Но и волновался не меньше: нам он пояснил, что проходы под землей пересекаются и хорошо бы Чак-Кунаку выбраться из них раньше, чем туда войдут еще дракончики, – может случиться потасовка. Как раз в этот момент голова малыша высунулась наружу, но, увы, не за полосой колышков, а сбоку, совсем рядом с тем местом, где, напрягая до предела цепь, врос в землю лапами взрослый дракон.

Разглядев ненавистную мелюзгу почти у своей передней ноги, дракон раздраженно заколыхался всем телом. Наверное, хотел выплюнуть огонь, но специальный намордник, надетый в последний момент, ему этого не позволил. Чак-Кунак спешно юркнул обратно под землю, а уже пару секунд спустя его перепачканная мордочка выглянула из лунки еще ближе к гиганту.

– Он запаниковал! – схватился за голову Шакракумор. – И потерял направление.

Старый дракон был взбешен! Он дернулся с такой силой, что вырвал из земли железный крюк и уже через секунду яростно вспахивал землю в том месте, где проходили туннели, колья на фоне его лап казались просто щепочками. Куда подевался Чак-Кунак, я лично не видел. Но было ясно, что дракончик в большой беде.

Так что мгновение спустя я уже мчался через поле и слышал за своей спиной прерывистое дыхание Иолы.

Мне казалось, это будет легко: всего-то схватить цепь и оттащить дракона на прежнюю позицию. Я даже хотел на бегу крикнуть Иоланте, чтобы она в это дело не лезла, сам справлюсь. Но не успел, потому что мое внимание переключилось на маленькую фигурку, возникшую на пути взбешенного чудища.

Это был Энерир. Увидев, какая опасность угрожает его другу, он первым пробежал те несколько десятков метров, что отделяли Чак-Кунака от победы. И теперь крутился вокруг дракона, полный решимости защитить своего питомца. Я заметил, как он раз за разом вскидывает руки. Понятия не имею, с какого возраста флэммы могут швыряться огнем и вообще обладает ли этой способностью полукровка Энерир? Но огненный удар был бы сейчас явно не тем, что могло разрядить обстановку.

– Забери его! – через плечо крикнул я Иоле.

Девочка, обогнув меня, подхватила Энерира поперек пояса и утащила прочь, а я тем временем попробовал ухватить толстенную цепь. Увы, мудрый старый дракон разгадал мое намерение и резво скакнул в сторону, потом еще и еще раз, сбивая и круша обугленные камни трибун. Зрители с воплями разбегались прочь.

Пришлось мне гоняться за цепью, как котенку за веревочкой, и лишь с пятой попытки удалось схватиться за железную фалангу. Она оказалась с карабином, отлично, значит, удастся снова закрепить цепь. Но это оказалось не так-то просто – все равно что обычному человеку танк тащить. К тому же дракон, поглядывая на меня через плечо, загребал задними лапами комья грязи и прицельно отправлял в мою сторону, так что скоро я уже ничего не видел, превратившись в подобие грязевого холмика.

Невероятным усилием я все же оттащил дракона с поля, вслепую нащупал вбитое в землю кольцо, защелкнул карабин. После этого кое-как оттер глаза и глянул на дракона. Он в тот момент тоже смотрел на меня и, кажется, коварно усмехался при этом. Причина такого злорадства была очевидна: на оттопыренном когте его правой лапы покачивался, обреченно зажмурив глазки, несчастный Чак-Кунак. Дракон еще пару секунд полюбовался моей реакцией, потом левой лапой без проблем сорвал с себя намордник и начал со свистом втягивать воздух, собираясь изжарить малыша. У меня от ужаса просто подкосились ноги...

И вдруг какая-то фигура метнулась наискосок через поле, подпрыгнула и повисла на шее дракона, уцепившись за железный ошейник. В следующее мгновение я узнал Ваньку – он висел на одной руке, а вторая, словно стрелка метронома, покачивалась перед драконьей мордой.

Дракон раздраженно взвыл, отшвырнул Чак-Кунака и с запыленным видом начал молотить по своему телу лапами, словно девочка, увидевшая на подоле платья паука или гусеницу. Тут уж я отмер и бросился на выручку, с другого края подскочила Иола. Каждый из нас взял на себя по лапе, а подоспевший со стороны трибун циклоп подхватил Ивана и отнес на край поля, где росла густая трава. Мгновение – и мы с Иолой оказались рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.